Библейско-богословская коллекция
Серия «БИБЛЕИСТИКА»
Золотой фонд русской библеистики

Епископ
МИХАИЛ (Лузин)

БИБЛЕЙСКАЯ НАУКА

книга седьмая

СВЯТОЙ ПРОРОК ИЕРЕМИЯ, КНИГА ЕГО ПРОРОЧЕСТВ И ПЛАЧ ИЕРЕМИИ


Кафедра библеистики МДА


Фонд «Серафим»

Москва
2008

... Работы надъ наукой болѣе,—работы терпѣливой, настойчивой, неустанной! – Съ наукой мы будемъ сильнѣе.

Епископъ Михаилъ.

Святый Пророкъ Іеремія,

книга его

Пророчествъ

и

Плачъ Іереміи.

Академическія чтенія Доктора Богословія, Профессора и Ректора Московской и Кіевской Духовныхъ Академій,

Епископа Михаила.

VII.

Издано подъ редакціей Н. И. Троицкаго.

ТУЛА.
Типографія И. Д. Фортунатова, насл., въ Тулѣ.
1902.

Святый Пророкъ Іеремія и книга его Пророчествъ.

Епископа Михаила.

Пророкъ Іеремія происходилъ изъ небольшого священническаго города Анаѳоѳа, лежавшаго въ колѣнѣ Веніаминовомъ, невдалекѣ отъ Іерусалима, къ сѣверу. Отецъ его былъ Хелкія, изъ священническаго рода, впрочемъ, кажется, не тотъ Хелкія, о которомъ упоминается въ исторіи Іосіи (2 Пар. 34), такъ какъ этотъ послѣдній былъ первосвященникомъ и—какъ первосвященникъ, конечно, имѣлъ мѣстопребываніемъ своимъ Іерусалимъ, а не Анаѳоѳъ,—мѣсто родины Іереміи. Кажется, что послѣ призванія своего къ пророческому служенію въ 13 г. царствованія Іосіи (ок. 626 г. до Р. Хр.), слѣдовательно, лѣтъ черезъ 60 послѣ смерти Исаіи,—онъ продолжалъ жить въ своемъ отечественномъ городѣ. Но главнымъ образомъ пророческая дѣятельность его сосредоточена была въ Іерусалимѣ, куда приходилъ онъ изъ Анаѳоѳа, а послѣ, какъ кажется, и совсѣмъ переселился, когда усилилась его пророческая дѣятельность, какъ публичнаго оратора, по требованіямъ времени. Здѣсь—въ Іерусалимѣ было средоточіе политической и религіозной жизни народа, дававшее извѣстное направленіе всей жизни всего Еврейскаго царства; здѣсь былъ храмъ, мѣсто народныхъ собраній,—храмъ съ портиками и дворами, гдѣ удобно было говорить рѣчи народу; здѣсь были всѣ удобства для великаго пророческаго служенія общественному дѣлу, и Іеремія избралъ это мѣсто дѣйствія. Здѣсь—въ Іерусалимѣ вдохновенный Пророкъ старался, во имя Іеговы, управлять движеніями народнаго духа и направлять на путь истинный; здѣсь дѣйствовалъ онъ на пользу общую около полустолѣтія, участвуя словомъ и дѣломъ въ великихъ и рѣшительныхъ событіяхъ, совершавшихся предъ глазами его. Характеромъ этихъ событій опредѣляется характеръ всей дѣятельности Пророка, а потому обратимъ вниманіе на тогдашнее состояніе Еврейскаго царства, давшее направленіе пророческой дѣятельности Іереміи,—на время отъ Іосіи до первыхъ лѣтъ плѣна.

Грустное то было время для Іудейскаго царства,—болѣе грустное, чѣмъ всякое другое время въ исторіи этого народа. Начало пророческой дѣятельности Іереміи падаетъ на то время, когда лучшій изъ царей дома Давидова вздумалъ произвесть великія реформы и въ политическомъ устройствѣ іудейскаго царства и въ особенности въ религіозной жизни. Писатели книгъ Царствъ и Паралипоменонъ съ отрадой останавливаются мыслію на этихъ реформахъ и благословляютъ имя Іосіи. Очистивъ страну отъ идолопоклонства, принесши со всѣмъ народомъ покаяніе, прочитавъ предъ всѣмъ народомъ вновь найденную книгу Закона, царь обратилъ вниманіе на возстановленіе Богослуженія и устройство храма, совершалъ такъ праздникъ Пасхи, что, по замѣчанію священнаго историка, никогда отъ дней Самуила Пророка она не совершалась такъ, и многое многое сдѣлалъ этотъ благочестивый царь для возстановленія истинной теократіи, такъ глубоко упадшей при предшественникѣ его—Аммонѣ и Манассіи. Онъ пережилъ только 12 годами свою реформу и передалъ царство недостойному сыну своему Іоахазу.—Но даже тридцати лѣтъ правленія добраго и благочестиваго Іосіи было слишкомъ недостаточно для того, чтобы искоренить застарѣвшее зло и утвердить въ сознаніи народномъ новое направленіе жизни; быстро государственный организмъ шелъ къ разложенію; нравственныя основы жизни пошатнулись. Перейди послѣ него власть въ руки такого же царя, какъ онъ, можетъ быть, еще начинающееся разложеніе и паденіе царства было бы хотя не надолго предотвращено; но мѣсто его заступилъ Іоахазъ, который постарался въ кратковременное правленіе свое уничтожить великое дѣло отца своего. Смерть Іосіи потому была истиннымъ несчастіемъ для народа; народъ, кажется, сознавалъ это, и Іуда и Іерусалимъ плакали по Іосіи; составлены печальныя пѣснопѣнія о смерти Іосіи и розданы всему Израилю, рыдалъ объ Іосіи и лучшій гражданинъ тогдашняго царства іудина—Іеремія (2 Пар. 35, 21—22). Реформа Іосіи не произвела ожидаемыхъ плодовъ и—доброе дѣло его, при худомъ преемникѣ, обратилось во зло. Впрочемъ, кажется, самое обращеніе народа было не твердо,—скорѣе это была экзальтація, увлеченіе на доброе дѣло, которое вскорѣ смѣнилось влеченіемъ къ другому—противоположному; можетъ быть, на нѣкоторыхъ дѣйствовалъ и страхъ власти. По крайней мѣрѣ, во время этихъ самыхъ реформъ Богъ, призывая Іеремію

къ пророческому служенію, говоритъ ему: 1, 10. 15—19.— Не большое число избранныхъ добрыхъ гражданъ развѣ искренно были преданы царю и совершаемому имъ дѣлу Божію, и оставались они твердыми и постоянными. Кажется, что самая рѣшительность и сила, съ какой произведена была реформа, послужила въ это грустное время ко вреду націи: язычествующая партія въ государствѣ, при видѣ грозящей опасности, собрала и сосредоточила свои силы и — нечаянная кончина добраго Іосіи (онъ убитъ былъ на войнѣ съ фараономъ Нехао) обратилась въ подпору ей, а преемникъ Іосіи видимо покровительствовалъ ей. Такимъ образомъ, партія язычествующая, которая была въ Еврейскомъ обществѣ со временъ Соломона и иногда чрезмѣрно усиливалась, и теперь страшно усилилась, и—что особенно было несчастіемъ этого времени, она стала въ слишкомъ открытую и дерзкую борьбу съ обществомъ истинно вѣрныхъ, продолжавшихъ дѣло Іосіи. Такъ это было и послѣ реформы Езекіи, по вступленіи на престолъ Манассіи, когда эта партія превозмогла, и кровь истинныхъ почитателей Іеговы лилась въ Іерусалимѣ; такъ это должно было быть и теперь, только въ болѣе сильной степени, такъ какъ реформа была произведена рѣшительнѣе и — поворотъ дѣла былъ круче. Такъ это и было: язычествующая партія снова ввела въ Іудею всѣхъ изгнанныхъ Іосіею языческихъ боговъ, и нравственность упала такъ, что стала хуже языческой, возмущающей небо и землю, по выраженію Іереміи. Партіи открыто боролись между собою, и какъ язычествующая была и многочисленнѣе и сильнѣе, то борьба обратилась въ ярое гоненіе противъ истинныхъ послѣдователей Іеговы. Въ Іерусалимѣ, само собою разумѣется, эта борьба была сильнѣе, въ полномъ своемъ проявленіи, и здѣсь-то опытному наблюдателю должна была открыться внутренняя слабость и разложеніе царства. То была земля, поядающая людей, то былъ городъ, проливающій кровь, то былъ храмъ—вертепъ разбойниковъ, говоритъ Пророкъ—очевидецъ всего этого. Іерусалимъ былъ хуже Самаріи, по описанію того же Пророка, такъ какъ истина была болѣе возвѣщаема въ Іерусалимъ, но онъ не слушалъ ея, и, значитъ, глубже палъ и былъ виновенъ.

Такое положеніе дѣлъ было худымъ предвѣстіемъ для будущаго, тѣмъ болѣе, что пока и исхода не предвидѣлось изъ этого положенія, а тамъ грозила опасность еще отъ внѣшнихъ враговъ; они не страшны были бы въ другое время, а

теперь были крайне опасны, при падающихъ внутреннемъ порядкѣ и силѣ царства, язычествующая партія подкапывала всѣ основы благосостоянія царства.

Первая опора восточнаго царства—царская власть давно уже хромала на обѣ плеснѣ и глезнѣ, то обращаясь къ Іеговѣ и покровительствуя истинно вѣрнымъ Богу отцевъ своихъ, то по большей части уклоняясь къ идолопоклонству, состоя подъ вліяніемъ и въ тоже время покровительствуя язычествующей партіи; но теперь,—по смерти Іосіи, она стала совершенно на сторону этой послѣдней: всѣ послѣдующіе за Іосіею цари принадлежали къ ней. Чего же добраго могло ожидать отъ нихъ теократическое государство, котораго душой, жизненнымъ элементомъ была религія?—Извѣстно, что сталось съ Израильскимъ царствомъ, при подобномъ направленіи царей.—И другую, существенную опору царства—пророчество такъ же старалась и успѣла въ нѣкоторомъ отношеніи подкопать эта язычествующая партія. Пророки всегда были главными дѣйствующими лицами при всѣхъ важнѣйшихъ переворотахъ народной жизни Евреевъ и давали болѣе или менѣе на долгое время направленіе жизни народной; ихъ значеніе, ихъ вліяніе всегда было важно и относительно огромно.—Задачею язычествующей партіи всегда было ослабить это вліяніе, какъ противодѣйствующую силу. Такъ было, напримѣръ, при Манассіи, когда воздвигнуто было гоненіе на нихъ. Еще болѣе этого слѣдовало ожидать теперь при ожесточеннѣйшей борьбѣ партій; такъ и было. Орудіемъ къ ослабленію вліянія пророковъ на народъ были избраны ложные пророки. Таковые и прежде бывали въ народѣ Еврейскомъ; но никогда еще не появлялись въ такомъ числѣ, и никогда еще не дѣйствовали съ такою силою, такъ настойчиво, упорно и нагло, какъ теперь. Съ горестію Іеремія жалуется на умноженіе и пагубныя дѣйствія этихъ ложныхъ пророковъ, которые увлекали за собой множество легкомысленныхъ и совѣтовали не вѣрить истиннымъ пророкамъ, обѣщая миръ и увѣряя, что никакое зло не постигнетъ государство; съ строгимъ словомъ, съ грозою истинный пророкъ является противъ нихъ, но—они дѣйствуютъ (5, 31. 6, 14. 14, 13—16. 23, 9—40 и др.); легкомысленные, увлеченные этими ложными пророками, не хотятъ вѣрить словамъ истинныхъ пророковъ, ненавидятъ ихъ, гонятъ, покушаются убивать (13, 15. 17, 15—18. 18, 18. 23. 20, 7 и дал.). Такимъ образомъ, и эта опора государства была поколеблена; у ней отнята сила, не слушался

народъ. А пророчество было душей народной жизни теократическаго государства. Если же оно теперь встрѣчаемо было холоднымъ равнодушіемъ или дерзкимъ противорѣчіемъ, или насмѣшливымъ презрѣніемъ, или наглымъ посягательствомъ на жизнь пророковъ: то очевидно, что этимъ внутренняя сила государства разстроиваема была болѣе еще, чѣмъ ослабленіемъ и извращеніемъ направленія царской власти: тѣло государственное оставалось безъ души, и организмъ долженъ былъ разлагаться. Наконецъ, и третья опора государства, жречество, была такъ же потрясена, и не только не содѣйствовала оживленію разлагающагося организма, а напротивъ, еще помогала этому разложенію. Правда, жречество имѣло еще достойныхъ членовъ; но стоитъ только прочитать рѣчи Іереміи о священникахъ, чтобы видѣть, какъ мало было достойныхъ въ числѣ ихъ, и какимъ государственнымъ зломъ стали они тогда. Такъ, повторяемъ, потрясены были основы государственной народной жизни; Іудейское царство быстро близилось къ погибели, и—только въ великомъ общественномъ, государственномъ бѣдствіи животворный духъ іудейства, обуреваемый страстями и уклонившійся отъ своей дѣятельности и назначенія, могъ воспрянуть, ожить и окрѣпнуть. Такимъ бѣдствіемъ и былъ Вавилонскій плѣнъ. Быстро слѣдовали событія великія одно за другимъ со времени смерти Іосіи. Разслабленный организмъ государственный не могъ противиться напору крѣпкихъ иноземныхъ силъ и—при каждомъ соприкосновеніи съ ними—слабѣлъ и разлагался все болѣе и болѣе, сопротивлялся все слабѣе и слабѣе. Понятно, каково должно было быть положеніе пророка Іереміи въ подобномъ обществѣ и при подобныхъ обстоятельствахъ, какой характеръ и направленіе должна была получить рѣчь его. Еще юный, онъ какъ будто предчувствовалъ свою долю и просилъ Іегову, чтобы Онъ уволилъ его отъ пророческой должности, но Богъ не исполнилъ его просьбы—и ободрялъ его обѣщаніемъ быть постоянно съ нимъ (гл. 1, 6).

Съ самаго вступленія въ свое пророческое служеніе Іеремія, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ своими рѣчами дѣлу, начатому благочестивымъ Іосіею; царь властью, пророкъ словомъ совершали великое дѣло; убѣжденія и угрозы замѣтны въ рѣчахъ Іереміи, относящихся къ тому времени (гл. 11); рѣчи его, главнымъ образомъ, направлены противъ язычествующей партіи; въ нихъ рѣдко Пророкъ обращается къ истинно вѣрнымъ; нужно было образумить тѣхъ.—Впрочемъ,

Пророкъ, кажется, замѣчалъ, что преобразованіе не достигаетъ своей цѣли и не достигнетъ, что трудно положить границы идолопоклонническому направленію, хотя внѣшне идолопоклонство и подавлено было силою царской власти, что языческое направленіе, повидимому уничтожаясь, на самомъ дѣлѣ у большей части, подъ вліяніэмъ язычествующей партіи, принимало только другія формы во внѣшнемъ выраженіи своемъ. Съ грустью высказываетъ это Іеремія отъ лица Божія народу. Вотъ ты нынѣ взываешь ко мнѣ, „говоритъ Іеремія отъ лица“ Божія народу еще при жизни Іосіи, „ты отецъ мой, ты другъ юности моей!“ Но говоря такимъ образомъ, ты дѣлаешь зло и—съ большою силою (3, 4—5). „Вижу, говоритъ далѣе Богъ, что хотя за прелюбодѣйство отпустилъ я отступницу—дочь Израилеву, давши ей разводное письмо; но вѣроломная сестра ея Іудея не побоялась, и не обратилась ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ, а только притворно“ (3, 8. 10). Обличеніе наклонности къ Египту (гл. 2) свидѣтельствуетъ о не совсѣмъ чистой искренности этого обращенія и подтверждаетъ вышеприведенныя слова Божіи.—Народъ, какъ видно, слишкомъ много надѣялся на законныя дѣла, слишкомъ много полагался на свое избраніе, и реформа усилила это мнѣніе, а народъ въ этомъ самомнѣніи предавался многому непозволенному. „Не надѣйтесь, говоритъ Іегова, на обманчивыя слова, когда говорятъ вамъ: храмъ Іеговы, храмъ Іеговы, храмъ Іеговы здѣсь“ (7, 4)—т. е. Богъ съ нами—въ храмѣ, не оставитъ насъ.—„При всѣхъ грѣхахъ своихъ говоритъ: я невинна; вѣрно гнѣвъ Его минетъ меня. Нѣтъ, говоритъ Іегова, Я хочу судиться съ тобою за то, что ты говоришь—я не погрѣшила“ (2, 35).—Вообще къ концу царствованія Іосіи состояніе народа, въ худшихъ его частяхъ, довольно мрачными чертами описывается пророкомъ Іереміею. Вотъ что, между прочимъ, говорилъ онъ въ это время: гл. 5.—Къ концу царствованія Іосіи судъ Божій на Іудею уже приближался; Богъ не могъ простить Іудеѣ всего того, что въ ней совершалось,—тѣмъ болѣе, что попытка лучшаго изъ царей къ исправленію народа оказывалась не дѣйствительною; государство, какъ мы видѣли, было повреждено въ самыхъ основаніяхъ (2 Пар. 35, 20).—Мѣсто могущественнаго царства Ассирійскаго заступило тогда царство Халдейское, котораго юношеская свѣжесть и сила была, очевидно слишкомъ опасна для испорченнаго царства Еврейскаго,—тѣмъ болѣе, что и съ Египтянами Евреи стали во враждебныя от-

ношенія. Такое стеченіе грозныхъ для Іудеи обстоятельствъ не могло укрыться отъ взоровъ людей не ослѣпленныхъ,— тѣмъ болѣе отъ взоровъ великаго пророка Іереміи, и вотъ онъ еще въ царствованіе Іосіи (къ концу) грозилъ Іудеямъ несчастіемъ съ Сѣвера (4, 5—31. 5, 15—19. 6, 1—9. 22).— Впрочемъ, первый ударъ нанесенъ Евреямъ не отсюда; закоренѣлые враги ихъ,—коварные друзья Египтяне первые начали то, что довершилъ Навуходоносоръ. Самъ царь Іосія палъ въ этой первой борьбѣ, и—это, какъ мы видѣли, было величайшимъ несчастіемъ для народа;—народъ, кажется, чувствовалъ въ своихъ лучшихъ представителяхъ, что онъ стоитъ предъ лицемъ гнѣвнаго Іеговы; но порча была такъ велика, что народъ въ массѣ не исправлялся, а сдѣлался еще хуже, когда взошелъ на престолъ нечестивый Іоахазъ.— Тотъ же Нехао, возвращаясь изъ похода на Сѣверъ, свергнулъ съ престола Іоахаза и возвелъ въ царское достоинство его брата, Еліакима или Іоакима; дѣло пошло еще хуже. Іоакимъ велъ себя сравнительно съ отцемъ своимъ Іосіею такъ же, какъ народъ велъ себя въ отношеніи къ Богу теперь, сравнительно съ лучшими временами, Давида, напримѣръ. Іоакимъ представилъ въ себѣ образецъ отсутствія не только любви къ Богу, но даже и страха; казалось, что Богъ во гнѣвѣ на народъ свой далъ ему такого царя. Это былъ кровожадный тиранъ, врагъ всякой истины и правды, около него собралась вся многочисленная язычествующая партія, удерживаемая нѣкогда мудрымъ отцемъ его Іосіею, и найдя въ царѣ себѣ покровителя, рѣшительно неистовствовала противъ истинно вѣрныхъ и особенно Пророковъ; это былъ могучій потокъ, все увеличивавшійся тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе ослаблялась противная партія и Іерусалимъ наполнялся кровію. „ярость Господня была на Іерусалимѣ въ это время", замѣчаетъ писатель книги Паралипоменонъ (36, 5). Жертвою этой ярости былъ пророкъ Урія, который убѣжалъ было въ Египетъ, но пойманъ былъ тамъ посланными царемъ и по возвращеніи въ Іерусалимъ убитъ. Нечестіе, ложные пророки и священники такъ ослѣпили царя, что онъ не понималъ очевиднѣйшихъ своихъ интересовъ. Навуходоносоръ въ его время покорилъ Іудею; равнаго этому царю по силѣ не было тогда во всей этой части Азіи; особенно Еврейское царство никакъ не могло, въ настоящемъ своемъ состояніи, противостоять ему и должно было смириться. Но Іоакимъ вздумалъ отложиться. Каждый благомыслящій долженъ былъ

видѣть нелѣпость этого поступка; тѣмъ яснѣе видѣлъ это Іеремія и грозныя рѣчи говорилъ онъ тогда народу отъ имени Іеговы, обличая пороки, и предсказывая паденіе Іерусалима и храма и не совѣтуя возмущаться, а убѣждая покориться волѣ Божіей, которая опредѣлила 70 лѣтъ плѣна (гл. 7, 8, 9, 15, 25 и 26). За эту рѣчь Іеремія чуть не поплатился жизнію, и чуду надобно приписать сохраненіе его жизни; здѣсь-то исполнились слова Іеговы, сказанныя Пророку при избраніи, что его не одолѣютъ враги: ибо Іегова съ нимъ (1, 19). Ложные пророки и священники вооружились за такія рѣчи противъ Іереміи и требовали его смерти за то, что онъ будто бы ложно предрекаетъ зло Іерусалиму, но неумолимый Пророкъ и предъ ними повторилъ свою рѣчь, и когда уже готовы были убить его, сильная рука его друга, Ахикама, спасла его (26). Но слова Іереміи исполнились: Навуходоносоръ наказалъ Іудею и царя за возмущеніе взятіемъ и разграбленіемъ Іерусалима и храма и самого царя взялъ скованнаго въ Вавилонъ (2 Пар. 36, 6—7). Но еще долготерпѣніе Іеговы и терпѣніе Халдейскаго царя не истощилось. Іоахимъ или Іехонія взошелъ на престолъ отца своего. Трехмѣсячнаго правленія этого царя было достаточно для того, чтобы показать, что̀ это былъ за царь. Пророкъ произнесъ въ это время сильную обличительную рѣчь, въ которой предвѣщаетъ несчастіе народа и скорое возвращеніе царя Вавилонскаго (XIII). И дѣйствительно, Іехонія возбудилъ подозрѣніе въ своей вѣрности. Халдейскій государь возвратился въ Іудею, разорилъ Іерусалимъ и храмъ и лучшую часть народа отвелъ въ плѣнъ (2 Пар. 36, 10), а царемъ въ Іудеѣ оставилъ Седекію, третьяго сына Іосіи и, значитъ, дядю Іехоніи. Тяжело было плѣнникамъ оставлять родную землю съ Іерусалимомъ и храмомъ. Но Іеремія говоритъ другое; онъ знаетъ, что только вдали отъ отчизны совершится переворотъ въ сознаніи народомъ, что только тамъ воскреснетъ прежній духъ націи Іудейской, а на Іудею, въ теперешнемъ ея состояніи, положиться нельзя, и—увѣряетъ, что плѣнникамъ—переселенцамъ предстоитъ лучшая будущность (24. 29). Между тѣмъ, началъ царствовать Седекія. Пророкъ увѣщавалъ царя—не слѣдовать примѣру предшественниковъ, не уклоняться отъ пути Іеговы (22); но царь былъ глухъ; ни онъ, ни служащіе при немъ, ни народъ, говоритъ самъ Іеремія, не послушали слова Іеговы, и—нечестіе наказывалось ослѣпленіемъ. Не смотря на примѣры предшественниковъ, онъ вздумалъ отло-

житься отъ Навуходоносора и вступилъ въ союзъ съ Египтянами, не понимая, что этотъ союзъ нисколько не поможетъ ему. Разсвирѣпѣвшій Навуходоносоръ снова напалъ на Іудею. Трусливый Седекія послалъ къ Пророку просить его молитвъ и ходатайства предъ Богомъ. Но Пророкъ произноситъ грозное слово, что Іерусалимъ будетъ взятъ и разоренъ (21. 34). За это и за то, что будто Пророкъ хотѣлъ передаться Халдеямъ, онъ былъ посаженъ подъ стражу и съ этого времени почти постояннымъ до взятія Іерусалима мѣстопребываніемъ Пророка были дворъ темничный и грязный ровъ. Но слово Іереміи сбылось; послѣ 18-мѣсячной осады Іерусалимъ былъ взятъ и разрушенъ и Іудеи переселены въ Вавилонъ (2 Пар. 36, 17—20). Какъ тяжко было это бѣдствіе для самого Іереміи, хотя онъ и совѣтовалъ добровольно сдать городъ, это видно изъ его „Плача". Но со времени взятія Іерусалима, для самого Іереміи настало время свободы. Навуходоносоръ столь милостивъ былъ къ Пророку, что приказалъ полководцу своему Навузардану не дѣлать никакого насилія Іереміи и не стѣснять его свободы въ выборѣ мѣста жительства, хочетъ ли онъ оставаться въ Іудеѣ или переселиться въ Вавилонъ (40, 1—4). Пророкъ столько любилъ свое отечество, что лучше пожелалъ остаться среди развалинъ его съ бѣдствующимъ останкомъ Іудеевъ, чѣмъ идти въ языческую землю. Онъ пришелъ въ Массифафъ, и поселился здѣсь среди людей своихъ, оставшихся на землѣ Іудейской (40, 6).

Впрочемъ пребываніе здѣсь Пророка было не продолжительно. Когда Измаилъ, одинъ изъ іудейскихъ военачальниковъ, убилъ поставленнаго царемъ Вавилонскимъ областеначальника Іудеи Годолію, а другой военачальникъ Іоананъ, прогнавъ Измаила, рѣшился со всѣми оставшимися Іудеями бѣжать въ Египетъ, боясь мщенія Халдеевъ, онъ увлекъ съ собою и Іеремію. Пророкъ не одобрялъ этого намѣренія (12). Но его не послушали и онъ долженъ былъ съ ними оставить отечественную землю (43, 1—6). Въ Египтѣ, въ городѣ Тарнисѣ снова предсказалъ онъ бѣдствія отъ Навуходоносора и пришельцамъ и самому Египту (43, 8—15—44). Послѣ того, слѣды дѣятельности Пророка теряются изъ вида и священные историки о дальнѣйшей судьбѣ его умалчиваютъ. Есть преданіе, что тамъ онъ былъ побитъ камнями отъ невѣрующихъ Іудеевъ.

Характеръ Іереміи довольно ясно отражается въ книгѣ его пророчествъ. Сколько можно судить по его рѣчамъ и исто-

рическимъ замѣткамъ о немъ въ самой книгѣ, это былъ человѣкъ мягкой, нѣжной души съ глубокой впечатлительностію, и сосредоточенностію. Изъ этихъ чертъ характера, при столкновеніяхъ съ тогдашними обстоятельствами времени и съ требованіями пророчества развилась эта двойственность, можно сказать даже нѣкоторая противоположность въ его рѣчахъ и дѣйствіяхъ, какая замѣтна у него. Обстоятельства, какъ мы видѣли, были крайне печальныя и въ то же время рѣшительныя; государство быстро разлагалось и падало, и пало, наконецъ, предъ глазами Пророка; печальныя событія глубокой грустью отзывались въ нѣжной, кроткой душѣ Пророка, рѣшительныхъ средствъ для предотвращенія бѣдствія нельзя было употребить по неспособности народа къ принятію ихъ: и смертную скорбь чувствовалъ Пророкъ; покушенія на его чистую, невинную жизнь усиливали еще болѣе эту скорбь, и онъ сталъ мужемъ печали и плача, которыя доходятъ даже до того, что онъ жалуется на Самого Бога, зачѣмъ Онъ избралъ его на это служеніе; ему казалось, что Богъ оставляетъ его и—онъ проклинаетъ день своего рожденія, и Богъ долженъ часто повторять ему, что Онъ—съ нимъ, чтобы онъ не боялся, не ослабѣвалъ духомъ. Эта же мучительная скорбь заставляетъ его изрекать проклятія на народъ, столько любимый имъ, желать ему всякаго зла, хотя онъ такъ ратовалъ за благосостояніе народа, и желая спасенія народу, молясь о помилованіи его, онъ въ то же время вздыхаетъ о томъ, что нѣтъ у него такого пристанища въ пустынѣ, гдѣ могъ бы скрыться онъ отъ народа своего, и молитъ о мести. Однимъ словомъ, тяжелое уныніе и какъ будто ослабленіе духа замѣчается иногда въ немъ. (—Примѣры: 9, 1 и дал. 15, 10 сл.—15—19. 20, 7—18). Но съ другой стороны, является въ немъ удивительная твердость и сила, неустрашимость и непоколебимость въ возвѣщеніи опредѣленій и судовъ Іеговы; предъ лицемъ смерти его уныніе и печаль оставляютъ; мягкость и нѣжность исчезаютъ; онъ является суровъ, жо́стокъ, неумолимъ и безстрашенъ. Такая рѣшительность и сила обнаруживаются, напримѣръ, когда онъ имѣетъ дѣло съ ложными пророками; неустрашимо говоритъ онъ правду горькую священникамъ, всему народу—предъ лицомъ самой смерти. Даже великій Илія бѣгаетъ отъ гнѣва и ярости царей, Іеремія самъ нарочно идетъ къ царямъ и говоритъ имъ горькую правду, хотя бы за это пришлось и поплатиться жизнью или по меньшей мѣрѣ терпѣть мученія (—20, 1 и дал. 22, 1—19. 26,

14. 15. 34, 2—7. 17—22). Такая двойственность дѣйствій, соединенныхъ и примиряемыхъ въ одномъ высшемъ интересѣ, бываетъ именно у людей съ мягкою душею и сильной впечатлительностію, когда они бываютъ поставлены въ подобныхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ непримиримомъ противорѣчіи съ дѣйствительностію, которую они такъ любятъ, къ которой такъ привязаны, и которой желаютъ всякихъ благъ. Этотъ характеръ въ Еврейской исторіи весьма сходенъ съ характеромъ Самуила; въ дѣйствіяхъ обоихъ является та-же мягкость и сердечность, но—гдѣ нужно—и та-же строгость, доходящая до суровости, неумолимой во внѣ, но глубоко печалящей Пророка; тотъ неумолимо отвергаетъ Саула, но плачетъ втайнѣ о немъ; этотъ твердо настаиваетъ, чтобы городъ былъ сданъ царю халдейскому и—плачетъ о немъ.

Этотъ характеръ Пророка во внѣшней формѣ—стилѣ его рѣчей, какъ дошли они до насъ въ его книгѣ, выражается нѣкоторымъ нерадѣніемъ, какъ бы небреженіемъ о внѣшнихъ выраженіяхъ и о красотѣ языка. Эту особенность языка замѣчали и древніе толкователи, напримѣръ, Іеронимъ, а за нимъ и новые богословы. Это свойство его рѣчей отнюдь не свидѣтельствуетъ о недостаткѣ религіозно-нравственнаго образованія и воспитанія Пророка, какъ думали нѣкоторые, онъ происходилъ изъ священническаго званія и показываетъ глубокое познаніе книгъ Моисеевыхъ, этой сокровищницы образованія Еврейскаго; тѣмъ менѣе свидѣтельствуетъ это свойство объ относительной скудости его естественныхъ даровъ, какіе мы видимъ у другихъ великихъ Пророковъ, напр. у Исаіи, какъ тоже казалось нѣкоторымъ; напротивъ, какъ замѣчаетъ одинъ изъ новыхъ историковъ этого времени, въ этомъ небреженіи о внѣшнихъ формахъ слова выражается своего рода величіе души Іереміи; оно зависитъ отъ его глубокой чувствительности и постоянно скорбнаго, сосредоточеннаго въ печали характера Пророка; въ немъ выражается глубина скорби, сила страданія, преимущественно предъ другими Пророками, принадлежащая Іереміи и—странно было бы даже въ его рѣчахъ отсутствіе этой черты; странно показалось бы, если бы въ нихъ замѣтна была искусственная обработанность внѣшней формы рѣчи. Съ этимъ свойствомъ языка Іереміи тѣсно связывается и отъ того же личнаго характера Іереміи происходитъ и другая черта характера его рѣчи, частыя сравнительно съ другими Пророками повторенія цѣлыхъ мѣстъ, многихъ мыслей и образовъ. Эта кажущаяся монотонность рѣчи

есть выраженіе глубокой души, проникнутой, снѣдаемой скорбію и печалью и сосредоточенной; она постоянно занята одной мыслью, ради которой Пророкъ выступаетъ на поприще общественной дѣятельности, за которую онъ ратуетъ, которая присуща ему постоянно, и повтореніемъ которой онъ старается произвесть по возможности сильнѣйшее впечатлѣніе на своихъ слушателей. Наконецъ, рѣчи Іереміи имѣютъ ту еще особенность, что въ нихъ, преимущественно предъ другими Пророками, дѣлаются прямыя или косвенныя указанія на прежнія книги Ветхаго Завѣта, глубокое изученіе которыхъ постоянно обнаруживаетъ Пророкъ. Особенно часто онъ пользуется Пятокнижіемъ, Закономъ. И всѣ пророки имѣли основаніе своей дѣятельности общественной въ законѣ, развивали мысль, духъ и силу его и потому болѣе или менѣе ссылались на него; но у Іереміи особенно часты эти указанія, Изъ всего Пятокнижія, онъ по преимуществу пользуется Второзаконіемъ; это совершенно—по обстоятельствамъ времени. Пророческія мѣста книги Второзаконія какъ будто написаны были для временъ Іереміи; грозныя предсказанія Законодателя приходили въ это время въ исполненіе и—въ Іереміи какъ бы оживаетъ духъ Законодателя, одушевлявшій его при написаніи книги Второзаконія. Это сходство пророческихъ рѣчей Іереміи можно замѣтить съ перваго взгляда даже на параллельныя мѣста въ нашихъ библіяхъ.

Чѣмъ болѣе скорбей и страданій испыталъ пророкъ въ своей жизни, тѣмъ болѣе возрасло уваженіе къ нему по смерти; и если онъ почти не пользовался имъ при жизни, то пользовался всегда по смерти. Уже юный современникъ его Іезекіиль взялъ его себѣ въ примѣръ жизни и дѣятельности, продолжалъ и оканчивалъ то, что началъ Іеремія, и—совершалъ это въ его духѣ. Его пророчество о времени плѣна обратило на себя вниманіе плѣнниковъ, какъ видно, произвело на нихъ впечатлѣніе и породило величайшее уваженіе и довѣріе къ нему въ сердцахъ его соотечественниковъ, переселенныхъ въ Вавилонское царство (Дан. 9, 2. 2 Пар. 36, 20—21. Ездр. 1, 1). Это значеніе, это уваженіе къ Пророку постоянно продолжалось послѣ плѣна между палестинскими Іудеями; свидѣтельство того—отзывъ Іисуса сына Сирахова: 49, 7—8. Здѣсь, кажется, образовалось мнѣніе, что Іеремія опять явится на землѣ, какъ предтеча Мессіи, мнѣніе, ясные слѣды котораго мы видимъ и въ Евангеліяхъ. Даже Мессію—Христа нѣкоторые считали воскресшимъ Іереміею. Но особенно это

почтеніе къ Пророку развилось въ Іудеяхъ Александрійскихъ, среди которыхъ онъ окончилъ жизнь свою, когда пророчества его пришли въ исполненіе, пророчества, которымъ не вѣрили отцы ихъ. На эту особенную любовь къ Пророку египетскихъ Іудеевъ указываютъ самыя свойства Александрійскаго перевода книги этого Пророка. На это же глубокое уваженіе позднѣйшихъ Іудеевъ къ Іереміи указываютъ и сказанія книгъ Маккавейскихъ (2 Мак. 15, 14—15). Позднѣйшій Александрійскій Іудей Филонъ говоритъ объ этомъ Пророкѣ съ особеннымъ уваженіемъ.

О происхожденіи и написаніи книги пророчествъ Іереміи содержатся нѣкоторыя указанія въ самой книгѣ (въ ней повѣствуется—гл. 36). Итакъ всѣ пророчества, изреченныя до 4 года царствованія Іоакима, записаны со словъ самого Пророка Варухомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ же самый Варухъ, постоянный спутникъ и сотрудникъ Пророка, записалъ подъ руководствомъ его и послѣдующія рѣчи Іереміи, сказанныя во время Іоахина или Іехоніи и Седекіи, а равно и сказанныя въ Египтѣ, и составилъ изъ нихъ одну книгу, предпославши и предисловіе, опредѣляющее періодъ времени, въ продолженіе котораго сказаны были эти рѣчи. Что касается до расположенія рѣчей въ книгѣ, то это расположеніе сдѣлано не по хронологическому порядку произнесенія ихъ, а болѣе по предметамъ рѣчей, только въ началѣ, кажется, рѣчи Пророка расположены хронологически. Прослѣдимъ составъ этой книги нѣсколько подробнѣе.

Вся книга разлагается на VII отдѣленій, изъ коихъ въ каждомъ помѣщены рѣчи или описанія дѣйствій Пророка, имѣющія особенный характеръ. Первое отдѣленіе составляютъ рѣчи, произнесенныя съ начала пророческаго служенія Іереміи до разрушенія Іерусалима (II—XXIV). Главная мысль всѣхъ этихъ рѣчей, или средоточный пунктъ, около котораго всѣ они группируются, это—приближеніе и неминуемость великаго бѣдствія для Евреевъ, плѣна Вавилонскаго, какъ рѣшительнаго наказанія народа за его крайнее нечестіе. Потому характеръ рѣчей его—обличительный и увѣщательный. Собственно дѣятельность Пророка во всемъ этомъ отдѣленіи изображена лишь въ общихъ чертахъ. Начнемъ съ начала книги:

Введеніе въ книгу составляетъ первая глава, предметъ которой—изображеніе призванія Іереміи къ пророческому служенію. Надписаніе (1—3), по аналогіи всѣхъ пророческихъ

книгъ, имѣетъ отношеніе ко всей книгѣ, т. е., показываетъ періодъ времени всей пророческой дѣятельности Іереміи. Потому слова— „до 11-го г. царствованія Седекіи“ и пр.—нельзя принимать за предѣлъ окончанія пророческой дѣятельности Іереміи, такъ какъ изъ самой книги извѣстно, что онъ дѣйствовалъ въ пророческомъ званіи и послѣ этого времени. Здѣсь означается только главный періодъ пророческой дѣятельности, въ продолженіе котораго изречены были его главныя пророчества, и въ отношеніи къ которымъ пророчества, изложенныя послѣ 40 гл., т. е. тѣ, которыя изречены были послѣ 11-го года Седекіи, имѣютъ уже второстепенное значеніе. При общемъ обозначеніи, какое содержится въ надписаніи, они потому и не упоминаются, хотя и не исключаются имъ. Собранію пророческихъ рѣчей предпослано повѣствованіе о призваніи Іереміи въ пророческое служеніе (4, до конц. гл.). Юношу Іеремію, отрекающагося отъ служенія пророческаго, Богъ воодушевляетъ прикосновеніемъ руки къ его устамъ, символъ очищенія, посвященія и сообщенія потребныхъ для пророческой дѣятельности даровъ (4—10). Видѣніемъ миндальнаго жезла Богъ изображаетъ неусыпность и вѣрность въ исполненіи своихъ словъ, а другимъ видѣніемъ—котла кипящаго, котораго передняя сторона у сѣвера, указываетъ на содержаніе будущихъ рѣчей Іереміиныхъ, т. е., Іеремія долженъ будетъ предвѣщать бѣды народу, грозящія съ Сѣвера (11—16 ; и наконецъ, опредѣливъ будущее его положеніе среди общества, въ которомъ онъ долженъ будетъ дѣйствовать, обнадеживаетъ его своею помощію (17—19). Думаютъ, что это повѣствованіе присоединено къ собранію рѣчей послѣ, когда положено и надписаніе. Такъ это или иначе, рѣшить трудно, потому что нѣтъ твердыхъ данныхъ для такого или другого рѣшенія этого вопроса; впрочемъ, отъ такого или другого рѣшенія это изображеніе нисколько не теряетъ.

Послѣ этого введенія начинается рядъ рѣчей Іереміи, составляющихъ, какъ сказали мы, первое отдѣленіе книги (по 24-ую гл.). Это рѣчи, сказанныя до разрушенія Іерусалима, въ которыхъ дѣятельность Пророка изображена лишь въ общихъ чертахъ. Эта большая группа рѣчей распадается частію по хронологіи, частію по предметамъ, на мелкія отдѣленія. Первую часть составляютъ рѣчи, сказанныя при Іосіи, вскорѣ по призваніи Пророка (2—6). Это почти исключительно обличительныя и угрожающія рѣчи. Пророкъ обращаетъ взоръ свой на прошедшее Евреевъ, и, указывая на благодѣянія Бо-

жіи, указываетъ на неблагодарность Еврейскаго народа, склоннаго къ идолопоклонству и къ развратной жизни (2, 3, 1—5). Далѣе идетъ сравненіе между Израилемъ и Іудою: Богъ, указывая Пророку на отверженіе Израиля за беззаконія, говоритъ, что Іудея, видѣвшая это отверженіе, живетъ не лучше Израиля и своими поступками заслуживаетъ также наказанія рѣшительнаго (3, 5—11). Вслѣдствіе повелѣнія Божія, Пророкъ обращается лицемъ къ сѣверу, гдѣ находится разсѣянный Израиль, увѣщеваетъ его обратиться къ Богу и обѣщаетъ за то возвращеніе изъ плѣна (11—4, 2). Послѣ того онъ обращается къ Іудеѣ и Іерусалиму и послѣ краткаго увѣщанія изображаетъ страданія, какія постигнутъ Іудею съ Сѣвера (5—21), объясняетъ, за что постигнутъ ее такія бѣды, и въ разительныхъ образахъ пишетъ картину опустошеній и бѣдствій, какія потерпитъ земля (22—31), и чтобы оправдать Бога и показать, что Онъ справедливо наказываетъ народъ Свой, снова яркими красками изображаетъ пороки всѣхъ сословій современнаго общества (5). Послѣ этого снова предвѣщается неоднократное нашествіе непріятеля (6, 1—9) и опять обличаются пороки и развратъ (9—20). Въ заключеніе этого отдѣленія помѣщена рѣчь, въ которой Богъ увѣряетъ Пророка, что его уроки не будутъ приняты, Іудеи не исправятся и будутъ наказаны нашествіемъ Сѣвернаго непріятеля и опустошеніемъ земли. Что всѣ эти рѣчи произнесены во времена Іосіи, это ясно видно изъ надписанія въ 3 гл. 6 ст., гдѣ прямо говорится, что откровеніе о судьбѣ Еврейскаго царства, изображенное въ этой главѣ, было во времена Іосіи, а единство предмета, характера, направленія и сопоставленія даетъ право думать, что и всѣ эти рѣчи, заключающіяся въ этой части, были произнесены тогда же. Впрочемъ, точнѣе опредѣлить время произнесенія каждой изъ этихъ рѣчей нѣтъ данныхъ; можно только думать, что это не одна рѣчь, сказанная вдругъ, а различныя, изъ сопоставленія которыхъ вышла какъ бы, одна рѣчь съ одинаковымъ характеромъ и содержаніемъ.

Вторую часть перваго отдѣленія составляютъ рѣчи, содержащіяся въ 7, 8, 9 и 10 гл. Эти рѣчи или, по крайней мѣрѣ, первую изъ нихъ Пророкъ произнесъ во вратахъ храма Іерусалимскаго. Пророкъ совѣтуетъ въ ней не надѣяться на храмъ и жертвы, а измѣнить свои нравы, въ противномъ случаѣ Богъ угрожаетъ бѣдами, нашествіемъ иноплеменниковъ съ сѣвера. Яркими красками начертавъ картину пороковъ, гос-

подствовавшихъ тогда въ Іудеѣ и снова грозя за нихъ наказаніемъ, Пророкъ обращается (въ 10-й гл.) къ Израильтянамъ, находящимся въ разсѣяніи среди язычниковъ, чтобы они не покланялись ихъ идоламъ (1—16). Затѣмъ, обращаясь снова къ Іудеямъ, Пророкъ велитъ Іерусалимлянамъ готовиться сидѣть въ осадѣ и грозитъ переселеніемъ (17—18). Іерусалимъ, въ ожиданіи бѣдствія, плачетъ о горькой участи своей и жалуется на своихъ пастырей, что они навлекли на него бѣдствіе это (18—21). Пророкъ даетъ вѣсть, что грозное непріятельское войско уже не далеко; Іерусалимъ предаетъ себя въ волю Божію, но проситъ, чтобы Богъ не губилъ его до конца, а лучше бы излилъ гнѣвъ свой на народы языческіе, не знающіе Его. По мнѣнію большей части толкователей, эти рѣчи относятся ко временамъ царствованія Іоакима. Эта рѣчь, по предмету и по тону своему сходна съ краткою рѣчью 26 гл.; можно думать, что эта послѣдняя была сказана вскорѣ послѣ первой, и первая произнесена при тѣхъ же условіяхъ, какъ и послѣдняя, а послѣдняя произнесена была въ началѣ царствованія Іоакима (по надписанію) также во вратахъ храма. Вѣроятно поэтому, что разсматриваемыя рѣчи произнесены были во храмѣ по случаю стеченія народа изъ Іудеи и изъ разсѣянія на какой—либо праздникъ, чему соотвѣтствуетъ и то, что рѣчь обращена не къ однимъ Іерусалимлянамъ и Іудеямъ, но и къ Израилю. Угроза близкимъ нашествіемъ непріятельскаго войска, высказанная въ этой рѣчи, весьма прилична именно этому времени, такъ какъ вскорѣ, по восшествіи на престолъ Іоакима, Навуходоносоръ дѣйствительно пришелъ въ землю Іудейскую, покорилъ ее и сдѣлалъ данницею себѣ, по свидѣтельству книгъ Царствъ и Паралипоменонъ.

Далѣе, рядъ рѣчей, содержащихся въ главѣ отъ 11-й по 17-ю, по мнѣнію большей части критиковъ, относится частію къ концу царствованія Іоакима, частію ко времени кратковременнаго правленія Іехоніи; по крайней мѣрѣ, историческіе намеки въ самыхъ рѣчахъ указываютъ на это время, именно—упоминаніе о матери Іехоніи, нашествіе вмѣстѣ съ Халдеями Идумеянъ, Моавитянъ и другихъ окрестныхъ народовъ, на что есть намеки въ 12-й гл., и—наконецъ, указаніе на засуху, бывшую въ Іудеѣ (XIV гл.). Этотъ рядъ рѣчей начинается увѣщаніемъ—держаться закона Іеговы, книга котораго отыскана была при Іосіи; но такъ какъ народъ не послушался: то Богъ въ великомъ гнѣвѣ грозитъ совершенно

отвергнуть его; даже не совѣтуетъ Пророку молиться за народъ свой (1—17). Пророкъ въ это время самъ узналъ о злоумышленіяхъ на жизнь его согражданъ его и жалуется на нихъ Богу, и Богъ обѣщаетъ наказать ихъ (18—23). Въ горькомъ чувствѣ Пророкъ жалуется вообще на порочныхъ, которые своими пороками навлекаютъ казнь на землю (12, 1—4). Богъ предрекаетъ ему еще большія бѣды даже отъ своихъ родственниковъ (5—6). Новое побужденіе къ рѣчи Пророкъ находитъ въ томъ, что вмѣстѣ съ Халдеями въ ихъ войскѣ— сосѣдніе народы напали на Іудею и радовались паденію Іерусалима (14). Пророкъ съ сожалѣніемъ смотритъ на опустошеніе земли своей, которую Богъ оставилъ за ея упорство, и, обращаясь къ сосѣдямъ, не совѣтуетъ имъ радоваться многого паденію народа Божія; Богъ опять приметъ его подъ Свое покровительство, приметъ даже и язычниковъ, если они покорятся Ему, а непокорныхъ истребитъ (7—17). Далѣе—одной притчей о поясѣ, Пророкъ предсказываетъ, что близкій къ Богу народъ отведенъ будетъ въ Вавилонъ (1—11), и другою притчею о глиняномъ кувшинѣ съ виномъ, предвѣщаетъ опьяненіе народа и разрушеніе Іерусалима (12—14); наконецъ, предостерегаетъ царя отъ самонадѣянности и говоритъ о новомъ нашествіи царя Вавилонскаго (16—27). Новымъ побужденіемъ къ рѣчи для Пророка въ это время была страшная засуха въ землѣ Іудейской. Пророкъ сначала изображаетъ плачевное состояніе земли Іудейской во время этой засухи, отъ лица народа проситъ онъ помилованія; но Богъ отвѣчаетъ, что грѣхи народа положили преграду между ними, и, обращаясь къ Пророку, не велитъ ему предстательствовать за народъ (1—12). Пророкъ старается извинить народъ предъ Богомъ тѣмъ, что лжепророки ввели его въ заблужденіе, Богъ изрекаетъ казнь лжепророкамъ и тѣмъ, кто ихъ слушаетъ (13—14). Пророкъ плачетъ, видя бѣдствіе, но Богъ отвѣчаетъ, что Онъ не послушаетъ молитвъ народа, хотя бы даже предстательствовали за него Моисей или Самуилъ, и обрекаетъ его на совершенную погибель (17—15, 9). Тогда Пророкъ жалуется на свою судьбу, что онъ всегда долженъ говорить только непріятное народу; Богъ утѣшаетъ его и грозитъ народу (10—14). Пророкъ опять жалуется, но Богъ опять утѣшаетъ его, обнадеживая Своею защитою (15—21). Впрочемъ, Богъ не велитъ Пророку брать себѣ жену, чтобы не имѣть дѣтей, въ знакъ того, что народъ Іудейскій скоро всего этого

лишится; онъ будетъ переселенъ въ чужую, языческую землю (16, 1—18), и только послѣ избранные будутъ снова приняты въ царство Божіе вмѣстѣ съ язычниками (19—20). Снова порицая народъ свой за упорство и отдаленіе отъ Бога, Пророкъ оканчиваетъ рѣчь свою жалобою, что народъ его не слушается и ищетъ его погибели (17, 1—18).

Времени, къ которому относятся рѣчи, помѣщенныя въ главахъ 18—20, опредѣлить невозможно за неимѣніемъ никакихъ историческихъ данныхъ. Содержаніе ихъ—символическое изображеніе грядущихъ бѣдствій.

Въ гл. 21—24 заключаются рѣчи, сказанныя при послѣднемъ царѣ Седекіи. Этотъ царь самъ вызвалъ Пророка на то, чтобы онъ предсказалъ о будущей судьбѣ царства и царскаго дома.

Въ гл. 25—29 сопоставлены различныя рѣчи Іереміи, сказанныя въ разныя времена о разрушеніи Іерусалима, погибели Іудейскаго царства и судьбѣ плѣнниковъ, съ показаніемъ и историческихъ обстоятельствъ ихъ произнесенія.

Послѣ этого изображенія бѣдствій плѣна и лучшаго состоянія переселенцевъ помѣщены рѣчи Іереміи о возстановленіи Еврейскаго народа, возвращеніи его изъ плѣна, и по сходству образовъ—о Мессіи (30—33).

Въ слѣдующемъ отдѣленіи (34—39) содержится рядъ большею частію краткихъ рѣчей и изреченій Іереміиныхъ, произнесенныхъ по какимъ-нибудь частнымъ случаямъ, большею частію и съ историческими замѣчаніями о самыхъ случаяхъ.

Затѣмъ въ слѣдующемъ отдѣленіи (40—44) описана исторія оставшихся въ землѣ іудейской Евреевъ, причемъ помѣщены и рѣчи къ нимъ Іереміи, а равно и нѣкоторыя дѣйствія Пророка въ Египтѣ. Это отдѣленіе также, какъ и предшествующее, почти исключительно историческаго содержанія.

Въ главахъ отъ 45 по 51 помѣщены рѣчи, относящіяся къ иноземнымъ народамъ—Египтянамъ, Моавитянамъ, Аммонитянамъ и Вавилонянамъ. Когда произнесены эти рѣчи, съ точностію опредѣлить невозможно. Вѣроятно, что они изречены не въ одно и то же время, а въ продолженіе всего пророческаго служенія Іереміи, только соединены въ одномъ мѣстѣ, подобно какъ и у другихъ Пророковъ. Только пророчество на Вавилонъ, по яснымъ словамъ самого Писателя книги (51, 59), изречено въ царствованіе Седекіи.

Книга заключается историческимъ повѣствованіемъ о разореніи Іерусалима и судьбахъ царскаго дома, въ особенности Іоакима (52).

Для исторіи книги Пророка Іереміи не лишенъ важности вопросъ объ александрійскомъ переводѣ этой книги, или объ отношеніи перевода LXX къ Еврейскому тексту нынѣшняго кодекса. Еще древними замѣчено было большое различіе между александрійскимъ переводомъ этой книги и подлинникомъ, различіе, какого нѣтъ между ними ни въ одной изъ книгъ Ветхозавѣтныхъ въ такой степени. Въ переводѣ LXX, по свидѣтельству ученыхъ, имѣвшихъ случай видѣть и разбирать ихъ переводъ Іереміи, много словъ и мыслей, даже довольно обширныхъ мѣстъ опущено, и, наоборотъ, есть много большихъ и небольшихъ вставокъ или прибавленій сравнительно съ Еврейскимъ текстомъ: 1) 8, 10—12. 17, 1—4. 29, 13—21. 43, 14—26. 39, 4—14. 2) 2, 28. 30. 31. 3, 7. 17. 18. 36, 1—8 и др. Порядокъ рѣчей отъ 25 гл. до конца книги неодинаковъ: это произошло отъ того, что LXX, пророчества объ иноземныхъ народахъ, содержащіяся, по Еврейскому подлиннику, въ концѣ книги, помѣстили въ срединѣ, именно послѣ 15-го ст. 25 главы. Вышло такъ, что послѣдняя половина 25 гл. LXX-ти, соотвѣтствуетъ послѣдней половинѣ 49 главы еврейскаго текста, 26-я—46-й, 27-я—50-й, 28-я—51-й, 29-я началу 47-й и началу 49-й, и т. д. до конца книги идетъ несогласіе не только въ размѣщеніи цѣлыхъ главъ, но и частей главъ такъ, что изъ одной главы Еврейскаго текста различныя отдѣленія помѣщены въ разныхъ мѣстахъ перевода LXX. И, наконецъ, эти пророчества на иноземные народы поставлены между собою у LXX не въ такомъ порядкѣ, какъ это въ нынѣшнемъ еврейскомъ текстѣ. И это, по свидѣтельству западныхъ ученыхъ, во всѣхъ спискахъ и изданіяхъ LXX. Это несогласіе, какъ мы сказали, замѣчали еще древніе. Оригенъ, много занимавшійся снесеніемъ различныхъ рукописей и переводовъ Ветхозавѣтныхъ еврейскихъ книгъ, упоминаетъ уже о немъ. Іеронимъ, имѣвшій подъ рукой довольно переводовъ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „порядокъ въ расположеніи видѣній или пророчествъ въ книгѣ Іереміи, который въ греческихъ и латинскихъ переводахъ различенъ, я старался привести въ единство". И въ другомъ мѣстѣ: „расположеніе книги Пророка Іереміи, которое по неосмотрительности переписчиковъ было переиначено (т. е. въ переводѣ LXX сравнительно съ еврейскимъ), и многое, чего не доставало, я почелъ за благо по еврейскимъ источникамъ привести въ порядокъ, пополнить и исправить".

Для объясненія этихъ разностей въ переводѣ LXX и еврейскомъ подлинникѣ дѣлаются различныя предположенія учеными. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1) Думали и думаютъ, что эти различія произошли отъ того, что переводъ LXX сдѣланъ по другому, отличному отъ настоящаго, изданію еврейскаго текста, такъ что въ еврейскомъ нынѣшнемъ подлинникѣ и въ переводѣ LXX видятъ различныя рецензіи, различныя изданія этой книги. Для подтвержденія этой догадки опять прибѣгаютъ къ догадкѣ. Предполагаютъ, что Іеремія или Варухъ, подъ руководствомъ Іереміи, сдѣлалъ два изданія книги, изъ которыхъ одно послано въ Вавилонъ къ плѣннымъ Іудеямъ, а другое осталось въ Египтѣ, и въ томъ первомъ, которое послано въ Вавилонъ, сдѣланы нѣкоторыя перемѣны сравнительно съ оставшимся, именно пророчества на иноплеменные народы поставлены на концѣ, тогда какъ въ египетскомъ они остались въ срединѣ; сдѣланы и другія перемѣны по обстоятельствамъ и по потребностямъ Іудеевъ тамъ въ Вавилонѣ и здѣсь въ Египтѣ. При переводѣ священныхъ книгъ еврейскихъ на греческій въ Египтѣ, александрійскіе переводчики пользовались экземплярами египетской книги Іереміи, а въ еврейскомъ кодексѣ священныхъ книгъ, который взошелъ послѣ во всеобщее употребленіе, остался Вавилонскій экземпляръ книги Пророка; оттого-то переводъ александрійскій и нынѣшній еврейскій подлинникъ книги Іереміи и не согласны между собою; переводъ сдѣланъ съ другого изданія книги, именно съ оставшагося въ Египтѣ.

2) Другіе производятъ это различіе частію отъ двухъ изданій книги Іереміи, частію отъ переводчика, который пользовался то тѣмъ, то другимъ, и оттого вышли у него индѣ опущенія значительныя, индѣ прибавленія, и такъ какъ послѣ въ еврейскомъ кодексѣ принято было одно изданіе: то подлинникъ съ переводомъ и вышли различные.

3) Нѣкоторые причину всего различія видятъ въ одномъ только переводчикѣ, такъ какъ историческихъ слѣдовъ о двухъ изданіяхъ книги Вавилонскомъ и Египетскомъ рѣшительно нѣтъ. Думаютъ, что переводчикъ, по преданіямъ о рѣчахъ и дѣятельности Пророка, сохранившимся въ Египтѣ, гдѣ Пророкъ окончилъ жизнь свою, частію дополнилъ, частію исправилъ самую книгу, и оттого переводъ вышелъ не согласенъ съ подлинникомъ.

Есть, наконецъ, и такіе, которые считаютъ еврейскій текстъ переиначеннымъ сравнительно съ переводомъ; есть и другія объясненія, основанныя всѣ на предположеніяхъ. Мы же остановимся на объясненіи древнихъ—Оригена и Іеронима, что все это различіе произошло отъ неискусства позднѣйшихъ переписчиковъ перевода, что первоначально переводъ былъ сходенъ съ подлинникомъ. Возмемъ во вниманіе и то, что вѣроятно не всѣ экземпляры перевода LXX такъ много отличаются отъ подлинника, какъ полагаютъ нѣмецкіе ученые, и – что при обыкновенныхъ критическихъ пріемахъ снесенія различныхъ рукописей перевода LXX, можно возстановить чтеніе, въ которомъ переводъ не отличался бы отъ подлинника. По крайней мѣрѣ, переводъ LXX книги Іереміи, изданный въ послѣдній разъ у насъ, кромѣ другого порядка главъ во второй части Іереміи, существенно ничѣмъ не отличается отъ подлинника; нѣтъ ни прибавленій, ни опущеній, не присоединено ничего лишняго, не опущено ничего должнаго.

Что поддерживало, одушевляло и радовало пророка Іеремію при взглядѣ на несчастное состояніе еврейскаго общества, современнаго ему, при печали и скорби, которую чувствовалъ онъ, при тяжелой борьбѣ съ этимъ обществомъ, когда были руки всѣхъ на него и руки его на всѣхъ, при опасеніяхъ за общество и за свою собственную жизнь, которой искали такъ многіе, при собственныхъ внутреннихъ бореніяхъ, которыя приходилось испытывать ему, что, говоримъ, поддерживало и радовало его при такихъ обстоятельствахъ, это было безъ сомнѣнія, кромѣ заступничества Іеговы, предвѣдѣніе лучшихъ временъ, когда теократія возстановлена будетъ въ новомъ, лучшемъ видѣ. Іеремія, хотя не часто, но обращается къ этимъ блаженнымъ временамъ, и пророчествуетъ о нихъ въ утѣшеніе себѣ и лучшей части общества еврейскаго, которая способна была понимать его и вѣровать ему. Это— пророчества о временахъ Мессіи, выраженныя большею частію оригинально, свойственнымъ только этому Пророку образомъ, хотя образы точно такъ же, какъ и у Пророка Исаіи, часто заимствуются отъ плѣна Вавилонскаго и возвращенія изъ него.

Таково, напримѣръ, пророчество, содержащееся во второй половинѣ 3-й гл. съ ст. 14. Все отдѣленіе съ 6 ст. 3-й гл. по 6-ю главу, составляетъ одно связное цѣлое, отдѣляющееся отъ предшествующаго надписаніемъ 6-го ст. 3-й гл. и отъ послѣдующаго надписаніемъ въ 1-мъ ст. 7-й гл. Мы въ свое время замѣтили, что всѣ эти рѣчи относятся ко временамъ

царя Іосіи. Въ этомъ отдѣленіи Пророкъ раскрываетъ главнымъ образомъ два предмета: а) возвѣщеніе спасенія Израилю (3, 6—4, 2), и б) угрозу Іудейскому царству (4, 3—5). Только мимоходомъ упоминается здѣсь, что и Іудейское царство, послѣ того, какъ придутъ на немъ въ исполненіе угрозы, приметъ участіе въ общемъ спасеніи (3, 18). Само собою понятно, что оба эти предмета нельзя разсматривать, какъ одновременное или стоящее одинъ подлѣ другого; по связи рѣчи возвѣщеніе спасенія Израилю должно служить угрозою Іудѣ. Эта цѣль очевидна изъ первыхъ пяти стиховъ (6—11), мысль которыхъ та, что Израиль не останется вовсе отвергнутымъ, какъ думалъ Іуда, а, напротивъ, самъ Іуда не будетъ пощаженъ. Около 90 лѣтъ прошло до призванія пророка Іереміи съ тѣхъ поръ, какъ совершился Божественный судъ надъ Израилемъ, какъ разрушено было царство 10 колѣнъ. Казалось, всякая надежда на возстановленіе исчезла. Іуда, вмѣсто того, чтобы образумиться этимъ событіемъ, во грѣхѣ Израиля и его слѣдствіяхъ видѣть образецъ своего собственнаго грѣха и его слѣдствій, въ погибели родственнаго народа усматривать предвѣстіе своей погибели и предотвращать ее по возможности, Іуда еще болѣе только коснѣлъ въ заблужденіи, съ большей стремительностію предавался порокамъ и еще болѣе оскорблялъ Бога своего. Виновенъ и Израиль, но Іуда сталъ виновнѣе его. Поэтому, вотъ что говоритъ Іегова: (12—22). Рѣчь 12 и 13 стт. понятна, но съ 14 ст., съ котораго начинается собственно пророчество, по 17, встрѣчаются не совсѣмъ ясныя понятія, на объясненіе которыхъ и обратимъ теперь вниманіе.

Ст. 14.—Прежде всего вопросъ—къ кому здѣсь обращается рѣчь? Къ Израильтянамъ ли, какъ думаютъ одни, или къ Іудеямъ, какъ полагаютъ другіе?—Такое или другое рѣшеніе этого вопроса имѣетъ значительное вліяніе на пониманіе и изложеніе всего этого пророческаго отдѣленія. Представляется, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ безусловно въ пользу перваго мнѣнія, т. е. что рѣчь обращена здѣсь къ Израильтянамъ только, а не къ Іудеямъ.—Названіе—„отпадшія или отступившія дѣти“ ниже, въ 22 ст., прилагается къ Израилю, и въ предшествующихъ стихахъ (6. 8. 11) въ приложеніи къ нему же одному употребляется это названіе,—тогда какъ Іудея называется постоянно вѣроломною (8. 11),—различіе, на которое нужно обратить вниманіе: „Дочь Израиля, говоритъ на это одинъ изъ іудейскихъ толкователей.

здѣсь *постоянно называется отступницею, а Іудея*—**вѣроломною**, что гораздо хуже“ (Ярхи). Далѣе, такое подробное возвѣщеніе спасенія Іудеи было бы здѣсь неумѣстно, когда еще не было угрозы,—а мы видѣли, что это обращеніе Бога къ Израилю дѣлается собственно для угрозы Іудеѣ,—и что содержащееся въ 14—17 ст. относится собственно къ Израилю, показываетъ мимоходомъ сдѣланное замѣчаніе въ ст. 18,—объ обращеніи дома Іудина къ Израилю, уже обратившемуся, предполагается. Что подъ домомъ Израиля въ 20 и сынами Израиля въ 21 разумѣется Израиль въ смыслѣ тѣснѣйшемъ, т. е. царство Израильское, а не Іудейское вмѣстѣ, показываетъ ясно упоминаніе о домѣ Іудиномъ въ 18 и Іудѣ и Іерусалимѣ въ 4, 3. Наконецъ, только при предположеніи, что въ разсматриваемомъ стихѣ рѣчь обращена къ Израилю, становятся понятными значеніе и смыслъ ст. 16 и 17, какъ это увидимъ при объясненіи ихъ.—Выраженіе: *яко азъ возобладаю вами*—съ подлинника переводятъ различно: въ Вульгатѣ,—поелику я мужъ вашъ“; Лютеръ—я хочу васъ обручить себѣ“,—иные переводятъ—„я Господь вашъ“. Впрочемъ, и при различныхъ переводахъ—смыслъ одинъ и тотъ же; выражается не угроза, но любовь Божія къ Израилю, большая сравнительно съ Іудою,—состраданіе Бога къ разсѣяннымъ Израильтянамъ, по которому Онъ не хочетъ болѣе гнѣваться на нихъ. Такой смыслъ этому выраженію даетъ и параллельный стихъ 12.—Упорство Израиля сокрушено; остается въ немъ еще только сомнѣніе объ обращеніи къ Богу. Богъ повторяетъ Свое призваніе къ нему подробнѣе,—указываетъ снова на то, что онъ покажетъ Свое милосердіе и любовь отступившимъ, забывъ отступленіе. Совершенно параллельны этому слова 3, 1. Подъ образомъ отступницы отверженіе Израиля представлено и въ ст. 8.—Чего же естественнѣе принятіе отступниковъ представить подъ образомъ новаго обрученія съ ними? Ср. ст. 22. Смыслъ словъ значитъ слѣдующій: поелику отчаяніе до такой степени могло овладѣть Израилемъ, что онъ боялся приступить къ Богу съ прошеніемъ принятія его вновь къ себѣ: то Богъ и говоритъ, что Онъ снова обручится съ ними, если они искренно обратятся, т. е. снова вступитъ съ ними въ завѣтъ и приметъ ихъ. Такое пониманіе приводитъ къ правильному разумѣнію и слѣдующихъ словъ Божіихъ къ Израилю: *и поиму вы.... Сіонъ*. Мысль этихъ словъ, взятыхъ отдѣльно, съ перваго взгляда, кажется та, что Іегова не всѣхъ спасетъ и при-

ведетъ въ Сіонъ, а только небольшую часть,—по одному изъ города и по два изъ племени, хотя эти числа, очевидно, и нельзя принимать въ строгомъ смыслѣ.—Но видѣть такую мысль въ этихъ словахъ не позволяетъ контекстъ рѣчи и ближайшій и отдаленный.—Богъ обращается ко всему Израилю и, конечно, готовъ снова обручиться со всѣми желающими вступить съ Нимъ въ союзъ.—Потому разсматриваемымъ словамъ нужно дать такой смыслъ: если бы народъ Израильскій въ цѣломъ и не послушалъ призванія Божія и продолжалъ коснѣть во грѣхахъ: то и не многіе обратившіеся къ Нему будутъ приняты.—Завѣтъ заключенъ былъ съ народомъ, какъ цѣлымъ, однимъ; потому частный членъ этого цѣлаго могъ думать—не будетъ ли тщетно его обращеніе, если цѣлый народъ не обратится. Пророкъ отъ лица Божія и говоритъ: хотя бы одинъ только изъ цѣлаго города или два изъ цѣлаго колѣна обратились къ Іеговѣ,—они будутъ приняты, не смотря на коснѣніе во грѣхахъ всего народа; малочисленность не будетъ препятствіемъ къ ихъ принятію въ новый союзъ съ Богомъ.—Изъ этого видно, что кажущееся съ перваго взгляда ограниченіе обѣтованія о принятіи въ новый союзъ съ Богомъ Израиля, на самомъ дѣлѣ не есть ограниченіе, и что это мѣсто отнюдь не стоитъ въ противорѣчіи съ другими, гдѣ высказывается обѣтованіе о возстановленіи Израиля вообще.—Значеніе выраженія—*приведу въ Сіонъ* понятно, т. е. приму въ новое царство, въ новый союзъ, такъ какъ Сіонъ съ храмомъ есть средоточіе царства Божія.

Толкователи не одинаково думаютъ объ историческомъ отношеніи пророчества. Одни (Θеодоритъ) относятъ исполненіе его къ возвращенію изъ плѣна Вавилонскаго, другіе (Іеронимъ)—ко временамъ Мессіи.—Но едвали нужно замѣчать, что это раздѣленіе не имѣетъ въ этомъ пророчествѣ приложенія, точно такъ же, какъ и во многихъ другихъ пророчествахъ, изъ коихъ нѣкоторыя мы уже имѣли случай разсматривать. Исполненіе пророчества не ограничивается однимъ какимъ-либо временемъ, а простирается на всѣ времена.—По извѣстному уже намъ общему свойству пророчествъ—начало исполненія этого пророчества относится къ тому времени, когда при Кирѣ нѣкоторые изъ 10 колѣнъ разсѣянныхъ, по истинной любви къ Богу Израилеву, присоединились къ возвращающимся въ отечество Іудеямъ, и были приняты Богомъ на Сіонѣ въ возстановленномъ царствѣ Еврейскомъ; оно продолжало приходить въ исполненіе, когда въ

позднѣйшія времена, именно во времена Маккавеевъ,—происходило тоже самое,—многіе Израильтяне возвращались къ Богу отцевъ своихъ и переселялись въ Іудею; оно исполнялось также во времена Христовы и Апостольскія, когда благословенія Божіи изливаемы были и на *12 колѣнъ*, *иже въ разсѣяніи*, когда и они призывались и вступали въ царство Христово.—Но и въ этомъ еще не вполнѣ исполнилось оно; совершеннаго исполненія можно ждать еще въ будущемъ, когда евреи, по слову Павла, по исполненіи языковъ, взойдутъ въ благодатное царство Христово—общая мысль является здѣсь въ той формѣ, въ какой она могла быть доступна для ветхозавѣтныхъ; намъ же, чадамъ Новаго Завѣта, можно и не ограничиваться этой формой и—потому не ограничивать исполненія пророчества какимъ либо однимъ временемъ. —Сіонъ и святая земля были тогда особеннымъ мѣстомъ царства Божія, такъ что возвращеніе въ послѣднюю нераздѣльно было съ возвращеніемъ въ первый. Тѣ изъ Израильтянъ, которые обращались къ истинному Богу—или вовсе переходили, переселялись въ Іудею, или приходили только туда, чтобы принести жертву; но когда, со временъ Мессіи, всюду явились Сіоны и священныя земли: то всякое обращеніе Израильтянъ въ прошедшемъ и въ будущемъ,—во всѣ времена, есть уже приведеніе ихъ на Сіонъ и въ святую землю, т. е. всѣ обращающіеся всегда будутъ приняты въ царство Мессіи.

Ст. 15.—Спрашивается, кого здѣсь должно разумѣть подъ именемъ пастырей? Думаютъ, что здѣсь разумѣются Пророки и священники, такъ какъ нечестіе ихъ во времена Пророка было главной причиной погибели народа.—Такъ думаютъ тѣ, которые исполненіе пророчества относятъ къ возвращенію евреевъ изъ плѣна.—Большая часть древнихъ толкователей видятъ въ этихъ пастыряхъ Апостоловъ и мужей Апостольскихъ, которые пасли множество вѣрующихъ не на паствѣ Іудейскихъ церемоній, но въ разумѣ и мудрости. Нѣкоторые думаютъ, что подъ пастырями здѣсь разумѣются власти всякаго рода. Иные разумѣютъ здѣсь исключительно царей.—По Библейскому словоупотребленію, послѣднее мнѣніе представляется основательнѣе прочихъ—т. е., что подъ пастырями разумѣются здѣсь цари.—Правда, что образъ Пастыря и паствы употребляется иногда въ обширномъ смыслѣ, но большею частію подъ нимъ представляются цари и правители.— Такъ это, напр. 2 Цар. 5, 2. ср. Мих. 5, 3 сл. У пророка

Іереміи слову Пастырь дается такое же значеніе.—Всякое сомнѣніе въ этомъ устраняется параллельнымъ мѣстомъ 23, 4. Что здѣсь подъ пастырями разумѣются только цари,—объ этомъ свидѣтельствуетъ противопоставленіе ихъ плохимъ правителямъ современнаго общества, о которыхъ рѣчь идетъ въ 22, а равно и связь этого стиха съ ст. 5, гдѣ общее выраженіе ограничивается тѣснѣе,—исполненіе предшествующаго обѣтованія поставляется на Мессіи—ст. 5. Это параллельное мѣсто имѣетъ для насъ еще ту важность, что оно заставляетъ разсматриваемое пророчество относить къ Мессіи.—Царство 10 колѣнъ, за свое отпаденіе отъ Бога и отъ помазанника Его, наказано было тѣмъ, что у него всѣ цари были несчастные, потому что—нечестивые, въ длинномъ рядѣ Израильскихъ царей, нѣтъ ни Іосафатовъ, ни Езекій, ни Іосій. И очень естественно: основаніемъ Израильскаго трона было возмущеніе.—Съ прекращеніемъ этого раздѣленія и грѣха, должно прекратиться и самое наказаніе; Израиль обратится опять къ тому роду Давидову, которымъ условливались всѣ дары ветхозавѣтной теократіи, и такимъ образомъ получитъ или получаетъ опять участіе въ нихъ—во всей богатой полнотѣ ихъ, получаетъ въ славномъ потомкѣ Давида—Мессіи. Разсматриваемому стиху совершенно параллельно посему то мѣсто Пророка Осіи, въ которомъ говорится: *и они (Израильтяне) взыщутъ Іегову Бога своего, и Давида, царя своего* (3, 5); а равно и слова Пророка Іезекіиля 34, 23.—Выраженіе—*по сердцу моему* объясняется предшествующею исторіею Израильскаго царства,—цари были въ немъ не по сердцу Божію,—возмутители, нечестивые,—орудія бѣдствій народа; противополагаемые имъ пастыри, которыхъ Іегова обѣщаетъ воздвигнуть въ будущее время и главный изъ нихъ Пастырь Мессія, будутъ орудіями благословенія народа. Они будутъ пасти умно и разсудительно,—по той причинѣ, что они будутъ по сердцу Божію,— будутъ ходить по путямъ Іеговы, будутъ находиться въ живомъ внутреннемъ общеніи съ Нимъ.—Умъ и мудрость въ управленіи, по словамъ священныхъ книгъ, зависятъ именно отъ того, что правитель исполняетъ законъ Іеговы, ходитъ по путямъ Его и слушается словъ Его; такіе правители всегда правятъ умно и разсудительно; послѣднее есть слѣдствіе и плодъ перваго, первое—основаніе послѣдняго; напротивъ, нечестивые правители не могутъ править умно и разсудительно, для этихъ качествъ нѣтъ у нихъ основанія, потому они и правятъ

безумно. Вотъ что говорится въ этомъ отношеніи о тѣхъ и другихъ въ священныхъ книгахъ; эти изреченія поясняютъ разсматриваемыя слова Пророка: Втор. 4, 6. 29, 9. Нав. 1, 7. 1 Цар. 18, 14. 15. 3 Цар. 2, 3. Іер. 10, 21.

Ст. 16. Разсмотримъ сперва нѣкоторыя частности. *Когда умножитесь и расплодитесь на землѣ, въ тѣ дни,*—выраженіе указываетъ на то, что когда Израиль обратится: то на немъ почіетъ Божіе благословеніе, лучшимъ выраженіемъ котораго для ветхозавѣтныхъ служило многочадіе—умноженіе потомства. Выраженіе—*не скажете уже: ковчегъ завѣта Іеговы,* отрывочно, не полно—и его нужно восполнить словами: единственное наше желаніе, цѣль всѣхъ надеждъ, предметъ всѣхъ стремленій и т. п., такъ какъ ковчегъ завѣта былъ дѣйствительно святынею величайшею для всего Израиля. *Это слово не взойдетъ на сердце,* т. е. оно и не представится вамъ, не подумаете о немъ, не вспомянете его и не устроите другаго, т. е. будетъ время, когда кивота завѣта не будетъ болѣе, но Богъ за это потерянное такъ вознаградитъ, что о томъ и не вспомнятъ и не подумаютъ, и даже не будетъ охоты и попытокъ устроить своими руками другой такой кивотъ, которымъ бы можно было замѣнить первый. Что же въ этомъ за смыслъ? Выраженіе, очевидно, образное. Въ какомъ же отношеніи, въ какомъ значеніи говорится здѣсь о ковчегѣ завѣта? Отвѣтъ на этотъ вопросъ содержится въ ст. 17. Не кивотъ завѣта будетъ престоломъ Іеговы, но Іерусалимъ. Кивотъ завѣта былъ особеннымъ, единственнымъ мѣстопребываніемъ Іеговы среди народа своего; на немъ покоилась слава Господня, херувимы надъ кивотомъ были подножіемъ ногъ Іеговы. Что эта слава Господня постоянно была на кивотѣ завѣта, хотя только въ особенныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ открывалась внѣшне и была видима, какъ, напримѣръ, при посвященіи Аарона и при освященіи храма Соломономъ, объ этомъ много ясныхъ мѣстъ въ священныхъ книгахъ. Сюда относятся всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ Богъ представляется сѣдящимъ на херувимахъ 1 Цар. 4, 4. 2 Цар. 6, 2. Пс. 98. 1. Сюда далѣе относятся всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ кивотъ завѣта самый представляется подножіемъ Іеговы. Псал. 131. 7. Плач. 2, 1. Изъ этого объясняется,, почему молитвы въ нуждахъ, благодарность за благодѣяніе приносимы были всегда предъ ковчегомъ завѣта. Навинъ, послѣ пораженія еврейскихъ войскъ, разорвалъ свои одежды и лежалъ на землѣ ницъ предъ ковчегомъ Господнимъ даже до вечера, вмѣстѣ съ старѣйши-

нами Израильскими, и говорилъ: *ахъ, Господи, Господи, зачѣмъ Ты перевелъ народъ сей чрезъ Іорданъ?* Соломонъ, послѣ видѣнія и обѣтованія, бывшаго въ Гаваонѣ, пришелъ предъ кивотъ завѣта Господня и принесъ тамъ жертвы—3 Цар. 3, 15. и пр. Къ ковчегу завѣта Господня относятся далѣе всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится, что Богъ живетъ среди народа своего, что Онъ на Сіонѣ, что Онъ во храмѣ и пр. и пр. Сообразно этому, къ ковчегу завѣта евреи обращались съ величайшимъ уваженіемъ, какъ къ первой святынѣ; примѣровъ того, а равно и примѣровъ благоговѣйнаго страха предъ этою святынею мы видимъ въ священныхъ книгахъ много. По такому своему значенію, онъ былъ, такъ сказать, средоточіемъ народной жизни всей, и, значитъ, средоточіемъ всего прежняго домостроительства; именно, на этомъ мѣстѣ присутствовалъ среди народа своего Богъ Израилевъ. Если же такъ, если ковчегъ завѣта былъ средоточіемъ всего прежняго домостроительства: то съ уничтоженіемъ его должно измѣниться это домостроительство; и какъ должно быть велико то, что смѣнитъ его, если онъ не взойдетъ и на сердце, и не вспомянется и не сдѣлается вновь, когда забудется онъ, какъ не имѣющій уже значенія, какъ не имѣетъ значенія тѣнь, когда самый предметъ на глазахъ! А безъ кивота завѣта нѣтъ храма, онъ былъ святилищемъ только потому, что въ немъ былъ кивотъ завѣта; такъ какъ, по слову Соломона, свято это мѣсто потому, что здѣсь поставленъ кивотъ свидѣнія Господня; безъ кивота завѣта нѣтъ и священства: ибо къ чему жречество при храмѣ, если въ храмѣ не присутствуетъ Іегова; а если оно не нужно при храмѣ, не нужно и въ народѣ: ибо значеніе его—храмъ. А безъ храма и священства нѣтъ и жертвъ; а безъ этихъ послѣднихъ нѣтъ освященія народу еврейскому. Однимъ словомъ, безъ кивота завѣта Богъ уже не есть Богъ еврейскій (національный). Такимъ образомъ, въ разсматриваемомъ стихѣ мы имѣемъ пророчество о совершенномъ уничтоженіи прежней формы теократическаго царства еврейскаго, но такомъ уничтоженіи формы, которое вмѣстѣ есть совершеннѣйшее восполненіе существа, уничтоженіе, подобное уничтоженію сѣмени, которое должно умереть, чтобы плодъ могъ принесть, подобное уничтоженію сѣмени которое сѣется въ тлѣніе, чтобы востать въ нетлѣніе.—Само собою разумѣется, что Іудейскіе толкователи не согласны съ такимъ объясненіемъ, и что это пророчество служитъ камнемъ претыканія для нихъ. Что тѣнь нѣкогда уступитъ образу или

предмету,—эта мысль составляетъ содержаніе всего пророчества,—высокую важность и значеніе его для христіанъ; неумѣнье и нежеланіе отдѣлить тѣнь отъ тѣла, упорная привязанность къ первой и закоченѣлость въ этой одной формѣ,— составляютъ характеръ Іудейства, для котораго и Мессія есть только служитель древней экономіи.—Потому іудействующіе затрудняются въ изъясненіи этого пророчества и доходятъ до нелѣпостей: ecce haec promissio mala est, восклицаетъ одинъ изъ нихъ,—A legem convertit! Они объясняютъ его такъ въ сопоставленіи съ слѣдующимъ 17 ст.: „хотя вы въ будущее время и умножитесь на землѣ и усилитесь; но язычники не будутъ завидовать вамъ и не будутъ воевать съ вами, и не будетъ вамъ нужды выходить на войну съ ковчегомъ завѣта, какъ это было древле,—когда ковчегъ носили на войну; но въ то время не нужно уже будетъ дѣлать этого, такъ какъ не будетъ уже тогда войны“ (Кимхи). Абарбанель замѣчаетъ весьма справедливо на это, что „въ текстѣ нѣтъ даже намека на войну, и это объясненіе (т. е. Кимхи) мнѣ не нравится, хотя и Іонаѳанъ склоняется на него“. Самъ Абарбанель видитъ здѣсь такой смыслъ: „хотя и въ тѣ времена кивотъ завѣта будетъ въ Іерусалимѣ и будетъ мѣстомъ присутствія Іеговы,—но не единственнымъ; весь Іерусалимъ тогда будетъ кивотомъ въ отношеніи къ святости и славѣ,— весь Іерусалимъ тогда будетъ престоломъ Божіимъ“.—Но, очевидно, объясненіе неправильное; въ текстѣ прямо говорится о томъ, что въ то время вовсе не будетъ ковчега завѣта. Для насъ интереснѣе здѣсь другой вопросъ—въ какомъ отношеніи къ этому пророчеству стоитъ то обстоятельство, что во второмъ храмѣ ковчега завѣта не было?—Что его дѣйствительно не было во второмъ храмѣ, устроенномъ послѣ плѣна Вавилонскаго,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; объ немъ нигдѣ не упоминается, нѣтъ даже нигдѣ намековъ на то, чтобы онъ былъ тамъ, а что не было,—объ этомъ есть прямыя свидѣтельства. Флавій, перечисляя принадлежности второго храма, прямо говоритъ, что святое святыхъ въ этомъ храмѣ было пусто,—что въ немъ ничего не было.—Іудейскіе писатели думаютъ, что онъ или отвезенъ въ Вавилонъ, или—большею частію,—что онъ скрытъ Іереміею; на послѣднее есть указаніе во второй книгѣ Маккавейской.— На вопросъ—почему и какъ это сдѣлано, можно отвѣчать ссылкою на подобныя же явленія,—напр. на отсутствіе уримъ и туммимъ, на прекращеніе пророчества послѣ плѣна Вави-

лонскаго. Все должно было давать чувствовать народу, что его устроеніе такое было только временное; теократія ветхая долженствовала лишиться своей славы, чтобы новая славнѣе была.—Съ этой точки зрѣнія отношеніе къ разсматриваемому пророчеству того обстоятельства, что ковчега завѣта не было во второмъ храмѣ,—опредѣлить не трудно. Это было начало исполненія этого пророчества. Въ царствѣ Божіемъ нѣтъ уничтоженія безъ появленія и развитія новаго.—Уничтоженіемъ древняго обезпечивалось и условливалось даже происхожденіе и сохраненіе новаго.—Съ другой стороны, отсутствіе ковчега завѣта во второмъ храмѣ было фактическимъ пророчествомъ, что *древняя мимо ходятъ и—се вся нова будутъ*.—Оно возвѣщало тѣмъ, которые упорно держались формы, не понимая и не обнимая живою мыслью самаго существа, что наступаетъ время, когда эта форма, къ которой такъ крѣпко привязались они, должна быть отмѣнена, упразднена.—Въ этомъ отношеніи отсутствіе кивота во второмъ храмѣ показывало народу, что халдейскій плѣнъ былъ началомъ новаго порядка вещей, что съ возвращеніемъ народа изъ плѣна начиналъ осуществляться новый планъ домостроительства спасенія человѣческаго.

Ст. 17. Этотъ стихъ составляетъ дальнѣйшее развитіе мысли предыдущаго стиха; и когда мы раскрыли смыслъ того, то не много нужно словъ для опредѣленія смысла и этого стиха.—Пророчествуется о томъ, что нѣкогда не будетъ уже такого мѣста, которое было бы особеннымъ и единственнымъ мѣстомъ присутствія и откровенія Божества народу своему или царству своему, каковымъ мѣстомъ въ древней теократіи былъ ковчегъ завѣта,—но мѣстомъ престола Іеговы будетъ весь Іерусалимъ.—Очевидно и нѣтъ нужды доказывать, что подъ Іерусалимомъ нельзя здѣсь разумѣть Іерусалима—столицы Іудейскаго царства, что это одинъ только образъ, заимствованный изъ древней теократіи, для означенія предмета новаго царства Божія, въ которомъ не будетъ уже кивота завѣта, т. е. что подъ этимъ образомъ заключено понятіе о благодатной Церкви Божіей.—Смыслъ стиха, значитъ, опредѣляется словами Мессіи—Христа, сказанными Самарянкѣ: *вѣру ми ими, яко грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣ поклонитеся Отцу,—егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною; Духъ есть Богъ, и иже кланяется ему духомъ и истиною кланятися достоитъ* (Іоан. 4).—Къ этому духовному Іерусалиму, въ это новое

царство Іеговы соберутся всѣ народы, т. е. и язычники, такъ какъ имя Іеговы, единаго истиннаго Бога, будетъ въ этомъ только Іерусалимѣ, въ этомъ царствѣ.—Понятія извѣстны; мы встрѣчались съ ними нѣсколько разъ.—Пришедшіе въ это царство должны взять на себя новое благое иго, и уже не будутъ жить по упорству своего сердца, какъ жили Израильтяне по отдѣленіи отъ Іудейскаго царства,—жили, имѣя закономъ одно упорство сердца, возмутившагося противъ Іеговы, Бога своего, и не слушавшаго словъ Его, сколько ни посылалъ Онъ пророковъ, для вразумленія народа.—Касательно исполненія подобныхъ пророчествъ мы уже имѣли случай нѣсколько разъ говорить.

Ст. 18. Стихъ понятенъ при помощи изъясненнаго прежде пророчества Исаіи, совершенно одинаковаго съ разсматриваемымъ (гл. 11. 13).—Тогда не будетъ раздѣленія уже въ этомъ царствѣ между его членами; но домъ Іудинъ присоединится къ ненавистному ему всегда дому Израиля, и пойдутъ они вмѣстѣ мирно изъ земли Сѣверской (образъ, заимствованный отъ возвращенія іудеевъ и Израильтянъ изъ плѣна Вавилонскаго), пойдутъ вмѣстѣ въ новое царство и будутъ жить безъ распри, безъ ненависти.—Отъ иносказанія Пророкъ обращается къ собственной рѣчи, чтобы показать, за что Израиль отвергнутъ былъ Богомъ.

Съ 22 ст. начинается рѣчь самого Израиля, обращающагося къ Богу и кающагося во грѣхахъ своихъ.—Исполненіе этого можно видѣть и въ возвращеніи изъ плѣна и послѣ въ постепенномъ обращеніи Израиля къ Богу; но совершенное исполненіе—въ будущемъ, когда, по слову Апостола Павла, Іудейскій народъ войдетъ въ царство Мессіи.

Гл. 23. 1—8.

Эти стихи составляютъ часть цѣлаго отдѣленія, обнимающаго 22 и 23 главы. Содержащееся въ ст. 9—40, 23 гл., пророчество противъ лжепророковъ и мимоходомъ противъ выродившагося жречества (ст. 11), очевидно, связуется съ предшествующимъ пророчествомъ противъ царей—въ одно цѣлое пророчество—противъ испорченныхъ представителей и руководителей теократическаго царства. Для объясненія первыхъ восьми стиховъ 23 гл. связь ихъ съ 22 гл. имѣетъ столь важное значеніе, что внѣ ея они правильно не могутъ быть поняты, а потому намъ нужно прежде всего обратить вниманіе на эту связь.

Пророкъ угрожаетъ, обличаетъ и предостерегаетъ царя Іудейскаго, а въ лицѣ его и всѣхъ царей Іудейскихъ или домъ царскій и окружающихъ царя—сначала вообще, возвѣщая имъ суды Божіи надъ ними и надъ народомъ (какъ исполненіе угрозъ Моисея—во Второз. 29, 23)—если они будутъ коснѣть въ безбожіи и нечестіи (22, 1—9). Чтобы произвесть еще больше впечатлѣнія, онъ обращается къ частностямъ и показываетъ, какъ карающая правда Божія являлась въ участи нечестивыхъ царей Іудейскихъ. Прежде всего, онъ указываетъ на Іоахаза, сына и преемника благочестиваго Іосіи; его Фараонъ Нехао свергнулъ съ трона и отвелъ плѣнникомъ въ Египетъ (10—12). Потомъ—Іоакимъ; онъ деспотъ, который дѣлаетъ все, чтобы погубить ввѣренный ему народъ. За то Господь уничижаетъ его; надъ нимъ не будетъ совершено даже погребенія, не только царскаго, но и вообще человѣческаго; неоплаканный, безъ всякихъ почестей, ляжетъ онъ какъ павшій оселъ, внѣ Іерусалима—града великаго царя, который онъ наполнилъ кровью (13—19). Далѣе—отступленіе отъ историческаго хода рѣчи о царяхъ; рѣчь обращается къ Іудѣ вообще. Судъ надъ царями Іуды есть судъ и надъ нимъ самимъ; это вмѣстѣ—судъ надъ всѣмъ народомъ, который, по милости Іеговы былъ возвеличенъ, а теперь, по гнѣву Его, возбужденному нечестіемъ народа—низверженъ, посрамленъ (20—23). Далѣе—рѣчь объ Іоахимѣ или Іехоніи. Господь хочетъ его низвергнуть, выбросить какъ негодный сосудъ. Вмѣстѣ съ своею матерью онъ отведется въ плѣнъ и тамъ на землѣ чуждей умретъ. Во гнѣвѣ Своемъ Іегова опредѣлилъ, что ни одинъ изъ сыновей его не сядетъ на престолѣ Давидовомъ, такъ, что онъ и имѣя дѣтей—все равно что не имѣетъ, т. е. терпитъ наказаніе безчадія (24—30).

Начало слѣдующей главы связывается съ предшествующею общею мыслію: *горе пастырямъ, которые погубляютъ и расточаютъ овецъ стада Господня* (1—2). И затѣмъ слѣдуетъ возвѣщеніе лучшей участи для этого бѣднаго, разсѣяннаго стада. Потому же самому, почему Іегова хочетъ посѣтить или наказать злыхъ пастырей, т. е. по праву Верховнаго Владыки народа, вѣрнаго завѣту, заключенному съ нимъ, Онъ будетъ и милостивъ къ расточенному стаду, соберетъ его изъ разсѣянія, вмѣсто злыхъ и нерадивыхъ пастырей поставитъ имъ добраго, давно обѣщаннаго Давиду, великаго Пастыря, потомка его, который, какъ царь правды утвердитъ на землѣ право и правду; и эта будущая благодать будетъ такъ вели-

ка, что своимъ величіемъ затмитъ даже самое великое происшествіе въ жизни народа Еврейскаго—освобожденіе его изъ Египта. Теперь обратимся къ самому объясненію пророчества.

Ст. 1. Подъ именемъ пастырей и здѣсь, какъ и въ 3 гл., нѣкоторые толкователи хотятъ разумѣть лжепророковъ и священниковъ вмѣстѣ съ царями, или вообще всѣхъ представителей и руководителей теократическаго царства, невѣрныхъ Богу и нечестивыхъ. Но что подъ именемъ пастырей большею частію, даже исключительно почти, разумѣются цари, это мы видѣли при объясненіи подобнаго пророчества 3-й гл. Что касается, въ частности, до настоящаго пророчества: то связь его съ предшествующею главою, въ которой рѣчь идетъ о царяхъ, ясно показываетъ, что и здѣсь, подъ именемъ пастырей, разумѣются тѣ же самые цари. И ниже, въ замѣну худыхъ пастырей обѣщается Царь—великій потомокъ Давида, который будетъ дѣйствовать благоразумно и производить судъ и правду; наконецъ, ниже—о пророкахъ идетъ особая рѣчь, при чемъ упоминается, хотя мимоходомъ, и о жрецахъ, въ какомъ смыслѣ говорится здѣсь о пастыряхъ, что они погубляютъ и разсѣяваютъ овецъ стада Господня, т. е. Еврейскаго царства, это можно видѣть изъ предшествующей главы (3 и 13 ст. гл.) и изъ словъ самого разсматриваемаго пророчества (ст. 2). Эти мѣста показываютъ, что подъ погубленіемъ овецъ разумѣются насильственные поступки царей, угнетеніе ими народа и вообще неправедныя отношенія царской власти къ народу (ср. Езек. 34, 3 -4); а подъ разсѣяніемъ ими овецъ стада разумѣется то, что своимъ поведеніемъ, своимъ нечестіемъ, споспѣшествованіемъ народной безнравственности и нечестію, вообще худымъ руководительствомъ народа они довели его до того, что онъ сталъ, какъ овцы, не имущія пастырей и блуждающія нравственно и имѣющія быть выгнанными изъ своей земли и разсѣянными въ чужихъ народахъ. Іезек. 34, 5—8.

Здѣсь раждается недоумѣніе: почему здѣсь говорится о виновности только правителей—царей и имъ возвѣщается горе, и не говорится о виновности самого народа, тогда какъ ихъ, повидимому, въ этомъ дѣлѣ нельзя раздѣлять: ибо худые, нечестивые правители были произведеніемъ нечестиваго направленія народа вообще въ извѣстныя времена, порожденіемъ народнаго духа, или же посылаемы были Богомъ, какъ наказаніе народу за его нечестіе и богоотступничество? Но не-

доумѣніе разрѣшается, какъ скоро обратимъ вниманіе на то, что пророку нужно было имѣть дѣло не столько съ народомъ, сколько съ царями. То, что худость царей съ худостію народа стоитъ въ тѣсной, естественной связи, нисколько не служитъ имъ извиненіемъ: ибо эта естественная связь не есть еще безусловно необходимая, какъ это могъ видѣть самъ пророкъ въ примѣрѣ Іосіи, который, вступивъ на престолъ послѣ нечестивѣйшихъ царей, снискалъ себѣ благословеніе Божіе, и былъ однимъ изъ лучшихъ царей Еврейскихъ, не смотря на испорченность народа при предшественникахъ его. Столь же мало оправдываетъ ихъ и то, что они были только орудіемъ въ рукахъ Божіихъ для наказанія народа, на что указываетъ и самъ пророкъ словами отъ лица Божія—*я разогналъ народъ мой* (ст. 3). Они должны были имѣть въ виду лишь свое призваніе, исполнять свои царскія обязанности по закону; намѣренія Божественной правды въ отношеніи къ нимъ были уже не ихъ дѣломъ, или—имъ не было до нихъ дѣла. Во всякомъ случаѣ они, по Божественной правдѣ, должны были быть наказаны, какъ погубляющіе овецъ, и вотъ имъ возвѣщается „горе".

Ст. 2. Понятія ясны почти всѣ. Выраженіе—„не печетесь", „не заботитесь"; въ отношеніи къ тогдашнимъ пастырямъ поясняется словами пророка Іезекіиля: 34, 4. Выраженіе—*посѣщу на васъ по лукавству умышленій вашихъ*—указываетъ на подобную угрозу изъ книги Второзаконій 28, 20; это указаніе должно было увѣрить худыхъ пастырей, что угроза непремѣнно сбудется надъ ними, что ихъ постигнетъ то бѣдствіе, о которомъ идетъ рѣчь.

Ст. 3. Параллельныя мѣста: 29, 14. 31, 8. 10. Іезек. 11, 17 сл. Особенно Іезек. 34, 12. 13.—Не справедливо, изъ слѣпой привазанности къ буквѣ, силятся доказать, что эти пророческія изреченія вообще и въ частности изреченіе Іереміи относится только къ освобожденію Евреевъ изъ плѣна Вавилонскаго или ко временамъ Маккавеевъ. Образъ здѣсь, очевидно, шире этихъ предметовъ, черты его не укладываются въ происшествія этихъ временъ. Нѣтъ сомнѣнія, что взору Пророка предносилось событіе возвращенія Евреевъ изъ плѣна, но оно было только субстратомъ для изображенія другаго освобожденія человѣчества. Если это обѣтованіе относить къ тѣмъ фактамъ; то очевидно, что исполненіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ обѣтованію. Противъ такого объясненія говоритъ и контекстъ разсматриваемаго стиха. Съ собраніемъ и воз-

вращеніемъ въ землю отечественную разсѣяннаго стада тѣсно связывается въ ст. 4 постановленіе надъ нимъ добрыхъ пастырей, и это обѣтованіе, по смыслу 5 ст., должно придти въ исполненіе съ произведеніемъ отъ Давида праведной отрасли—великаго потомка—Мессіи. Притомъ, можно ли сказать объ освобожденіи и возвращеніи Евреевъ изъ плѣна Вавилонскаго, что оно своимъ величіемъ затмитъ величіе прежняго освобожденія Евреевъ изъ рабства Египетскаго, помрачитъ воспоминаніе о немъ. А здѣсь прямо это говорится 7—8. Очевидное дѣло, что рѣчь идетъ о другомъ великомъ освобожденіи человѣчества изъ рабства. Что здѣсь говорится лишь объ останкахъ стада, это объясняется подобными же изреченіями Пророковъ: Ис. 10, 17—22. Рим. 9, 27. Это значитъ, что не одно крайнее милосердіе, но и правда Божія будетъ совершать сіе дѣло. Притомъ, вопреки желанію и волѣ Божіей, не всѣ будутъ участниками этого духовнаго освобожденія; многіе имъ не воспользуются. Потому и говорится, что Богъ соберетъ только оставшихся овецъ стада своего. Даже и эта черта показываетъ, что рѣчь идетъ не собственно объ освобожденіи народа изъ плѣна. Образъ собственно, кажется, взятъ отъ вступленія Евреевъ въ землю обѣтованную, когда изъ огромнаго числа вышедшихъ изъ Египта, только малый останокъ вступилъ въ землю ханаанскую.

Ст. 4. Въ противоположность худымъ пастырямъ, о которыхъ говорится въ ст. 1 и 2, Богъ поставитъ надъ собраннымъ стадомъ пастырей добрыхъ, которые будутъ пасти, какъ должно, стадо Божіе. Понятія опять ясны. Вопросъ только тотъ, къ кому относится это пророчество, кто разумѣется подъ именемъ добрыхъ пастырей? Такъ какъ подъ именемъ худыхъ пастырей, какъ мы сказали, разумѣются собственно цари нечестивые еврейскіе: то подъ именемъ добрыхъ пастырей также должно разумѣть царей или правителей, здѣсь противоположеніе прямое—добрые и худые пастыри. Но кто же именно? опять несправедливо ограничивать исполненіе этого обѣтованія временами только послѣ—плѣннаго состоянія евреевъ и разумѣть подъ этими пастырями—Ездру, Неемію, Зоровавеля или Маккавеевъ, но сообразно съ предшествующимъ стихомъ и смысломъ всего пророчества нужно разумѣть истинныхъ царей Мессіанскаго царства. Къ нимъ прилагается и можетъ быть приложено это пророчество въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ вообще идеальныя изображенія пророками будущаго славнаго царства прилагается

къ царству Мессіи. Впрочемъ, нѣкоторые толкователи не безъ основанія полагаютъ, что множественное число здѣсь поставлено только для соотвѣтствія съ ст. 1 и 2-мъ, въ которыхъ говорится о пастыряхъ, но что собственно здѣсь нужно разумѣть одного великаго Пастыря, о которомъ идетъ рѣчь далѣе, т. е. Христа, потомка Давидова; такъ, что этотъ стихъ содержитъ только общую мысль, которая опредѣляется и прямо раскрывается далѣе. Это объясненіе подтверждается параллельными мѣстами, сходными съ разсматриваемымъ мѣстомъ у другихъ пророковъ, гдѣ говорится о возставленіи одного великаго Пастыря, который упасетъ стадо, не сбереженное многими прежними пастырями (Іезек. 34, 23). Такимъ образомъ, слѣдующій стихъ будетъ опредѣленіемъ мысли этого стиха, и какъ тамъ подъ именемъ пастыря разумѣется Мессія, такъ точно и здѣсь. Впрочемъ оба эти мнѣнія легко сопоставить въ одно, т. е. что здѣсь разумѣются вообще пастыри благодатнаго царства Мессіи, состоящіе подъ руководствомъ Самого великаго Пастыреначальника. Выраженіе: *они*, т. е., овцы *не будутъ бояться и трепетать и не растеряются*, изъясняются словами пр. Іезекіиля 34, 8. Когда пастырь добрый, то онъ защищаетъ стадо свое и бережетъ его, такъ что нечего опасаться ни ему, ни за него.

Ст. 5. По особенному словоупотребленію Пророка Іереміи, въ настоящемъ стихѣ выраженіе: *вотъ, приходятъ дни*, не означаетъ того, чтобы въ исполненіи пророчества этого стиха и предыдущаго между фактами было только разстояніе временное, а указываетъ собственно на важность пророчества. Это, замѣтимъ мимоходомъ, подтверждаетъ вѣроятность высказанной мысли, что этотъ стихъ служитъ опредѣленіемъ мысли предшествующаго стиха, и что, слѣдовательно, рѣчь и въ немъ идетъ о Мессіи. Этимъ выраженіемъ указывается также противоположность надежды настоящей дѣйствительности, т. е. какъ ни худо настоящее время, но вотъ настанетъ другое и пр.—Выраженіе—*возставлю Давиду отрасль праведную*, можетъ быть понимаемо въ двоякомъ смыслѣ: или —произведу отъ Давида отрасль, т. е. потомка Давидова, или ради Давида возставлю отрасль праведную, т. е., какъ бы ни худъ и недостоинъ былъ народъ, но для Давида, ради обѣщаній, Давиду данныхъ, произведу отрасль праведную. Впрочемъ, опять и тотъ и другой смыслъ весьма удобно соединяются вмѣстѣ такъ: ради обѣтованій Моихъ Давиду, Я произведу отъ него отрасль праведную, т. е. возставлю потомка

ему. Остальныя понятія здѣсь ясны, и мы уже не разъ встрѣчались съ ними при объясненіи другихъ пророчествъ. Нѣтъ сомнѣнія, что рѣчь идетъ здѣсь о великомъ потомкѣ Давида, Мессіи. Черты, которыми изображается Онъ здѣсь, въ другихъ пророчествахъ, какъ мы не разъ замѣчали, приписываются прямо Мессіи, и взяты прямо отъ Давида, прообраза Мессіи, истиннаго теократическаго царя.

Ст. 6. *Во днѣхъ его*, т. е. въ продолженіе царства Мессіи, *спасется Іуда, и Израиль будетъ жить безопасно*, очевидно, параллелизмъ; смыслъ тотъ, что истинные члены Еврейскаго царства, служившаго образомъ Ветхо-Завѣтной церкви, будутъ благоденствовать. Участіе собственно Израиля, т. е. 10 колѣнъ, въ будущемъ спасеніи, это любимая мысль Іереміи, которая проходитъ по всѣмъ его Мессіанскимъ пророчествамъ. Къ Израилю онъ питаетъ особое сочувствіе; живость этой надежды его на спасеніе Израиля есть великое свидѣтельство живости его вѣры вообще, такъ какъ у Израиля было менѣе данныхъ вообще для участія въ будущемъ спасеніи, чѣмъ у Іуды. Это обѣтованіе Іудѣ и Израилю взято изъ книги Второзаконія 33, 28. 29 и поэтому должно было сильнѣе дѣйствовать на народъ, какъ прощальныя слова великаго Законодателя. Что касается до исполненія этого обѣтованія, то его надобно ожидать, по слову апостола Павла, еще въ будущемъ времени, послѣ того какъ взойдетъ въ благодатное царство полнота языковъ, хотя оно начало приходить въ исполненіе со временъ Мессіи и постоянно и постепенно исполняется. Имя этому царю, подъ владычествомъ коего Іуда спасется и Израиль будетъ жить безопасно, будетъ: *Господь правда наша*, т. е. Богъ оправданіе—спасеніе наше, или Богъ—Спаситель нашъ, имя, подобное имени Еммануилъ.

Ст. 7 и 8. Смыслъ тотъ, что величіе будущаго спасенія затмитъ собою славу прошедшаго избавленія народа изъ Египта. Выходъ народа изъ-подъ владычества Египтянъ въ Библейскихъ книгахъ вездѣ представляется величайшимъ дѣломъ Божества, которому подобнаго не было въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ что Богъ, чтобы показать всю Свою силу и величіе Свое, часто указываетъ народу на этотъ исходъ изъ Египта. Но будущее избавленіе еще важнѣе; понятно изъ этого сравненія, что подъ этимъ будущимъ избавленіемъ нельзя разумѣть только возвращеніе изъ плѣна: ибо этотъ фактъ въ жизни еврейскаго народа не важнѣе того, чтобы изъ-за него приходилъ тотъ въ забвеніе. Посему необходимо, это сравне-

ніе даетъ ту мысль, что это обѣщаемое избавленіе, или спасеніе, есть спасеніе, совершенное Христомъ - Мессіею, которое, по своей важности и величію, дѣйствительно стоитъ несравненно выше избавленія евреевъ изъ рабства Египетскаго, такъ что это послѣднее было только лишь слабымъ образомъ перваго; оно дѣйствительно помрачило славу того. Внѣшній покровъ—образъ заимствованъ очевидно съ возвращенія евреевъ изъ плѣна.

Гл. 31, 31—40.

30-я и 31-я главы по справедливости могутъ быть названы пѣснію объ освобожденіи Ветхозавѣтной теократіи отъ тяготѣвшаго надъ нею суда Божія.—Пророкъ начинаетъ ее обѣтованіемъ спасенія всему Израилю и Іудѣ. Хотя царство Еврейское, въ обѣихъ своихъ составныхъ частяхъ, лишилось политической самостоятельности, и Іудеи, какъ и Израильтяне, были далеко отъ своей родной земли—въ изгнаніи, и конецъ ихъ бѣдствій еще не насталъ, все еще увеличиваются скорби, но это увеличеніе скорбей есть залогъ спасенія народа, подобно тому, какъ это было въ Египтѣ; скорби эти пройдутъ, и настанетъ другое лучшее время; только нечестивымъ не будетъ спасенія (30).—Отъ этого общаго обѣтованія и утѣшенія всего Израиля пророкъ обращается отдѣльно къ царству Израильскому и отдѣльно къ царству Іудину; съ особенною подробностію изображаетъ онъ будущее царства Израильскаго, такъ какъ повидимому оно было далѣе отъ спасенія (31, 1—22). Послѣ сего обращается онъ къ царству Іудину (23—26). Обобщая всѣ эти обѣтованія, Пророкъ снова обращается ко всему народу—Іудѣ и Израилю и изрекаетъ новыя, въ новыхъ прекрасныхъ образахъ, обѣтованія и благословенія (27—40).—Все это отдѣленіе имѣетъ Мессіанское значеніе, такъ какъ Ап. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ, приводя изъ этой пророческой рѣчи мѣсто о заключеніи новаго Завѣта, объясняетъ это мѣсто о новомъ Завѣтѣ, Мессіанскомъ (8, 8—14). Мы обратимъ вниманіе на главное въ этой всей рѣчи—на послѣднія 10 стиховъ 31-й главы, гдѣ рѣчь идетъ о новомъ завѣтѣ, о спасеніи Израиля всего и объ устроеніи новаго града.

Содержаніе этого пророчества слѣдующее: Господь--Іегова, по Своей милости и правдѣ, не только не отвергнетъ народа Своего за то, что онъ нарушалъ и нарушаетъ завѣтъ Его, но, будучи Самъ вѣренъ этому завѣту, заключитъ съ наро-

домъ Своимъ новый завѣтъ,—вѣчный, нерасторгаемый, не такой, какъ завѣтъ первый. Основоположеніе этого завѣта составляетъ прощеніе грѣховъ, а слѣдствіемъ сего будетъ обильное изліяніе даровъ Духа; при этомъ Израиль, для котораго уже этотъ завѣтъ не будетъ простою буквой внѣшней, но—завѣтомъ или закономъ, написаннымъ въ сердцѣ и въ мысли, Израиль достигнетъ вполнѣ своего назначенія,—онъ будетъ истиннымъ народомъ Божіимъ, а Богъ будетъ истиннымъ Богомъ его (31—34). Такое возстановленіе завѣта, такое доказательство того, что народъ не перестанетъ быть избраннымъ народомъ Божіимъ,—представляется этому народу, сознающему свою вину, стенающему подъ карою Божественнаго суда, невѣроятнымъ.—Богъ увѣряетъ народъ, что это—такъ, что обѣтованіе Его непремѣнно сбудется (35—37). Тогда святой градъ Божій возникнетъ изъ своихъ развалинъ, устроится и расширится, и тогда какъ прежде нечистое проникало даже внутрь его, теперь онъ самъ распространитъ свои границы въ область нечистаго для очищенія и освященія его.—Іегова будетъ святиться въ немъ, и этотъ городъ уже не разрушится.

Ст. 31, 32. Прежде всего спрашивается, что разумѣется здѣсь подъ заключеніемъ завѣта? О договорѣ, о взаимномъ условіи, какъ фактѣ, какъ это было при Синайскомъ завѣтѣ, здѣсь думать нельзя.—Это показываютъ слова 32 ст. самого разсматриваемаго пророчества, по которымъ прежній, ветхій завѣтъ заключенъ былъ въ тотъ день, когда Богъ взялъ Израиля за руку, чтобы вывести его изъ земли Египетскія, изъ дому работы; а тогда собственно о завѣтѣ, о взаимномъ обязательномъ договорѣ пока не было и рѣчи.—Думать, что подъ этимъ днемъ, въ который Богъ взялъ за руку Израиля, чтобы вывести его изъ Египта, разумѣется пребываніе Евреевъ при Синаѣ, гдѣ заключенъ былъ завѣтъ, нѣтъ основанія, и было бы произвольно.—Обыкновенно, когда говорится о днѣ освобожденія изъ Египта, разумѣется именно это время освобожденія; этотъ день ежегодно воспоминался и особеннымъ праздничнымъ торжествомъ; потому и здѣсь этотъ день нужно принимать въ собственномъ смыслѣ, какъ именно день освобожденія изъ Египта, а тогда, говоримъ, о завѣтѣ, о взаимномъ обязательномъ договорѣ не было и рѣчи.—Значитъ, и подъ именемъ заключенія новаго завѣта нельзя разумѣть здѣсь такого обязательнаго взаимнаго договора, какой заключенъ былъ при Синаѣ,—нельзя разумѣть одновременнаго объяв-

ленія этого договора—новаго. Но спрашивается, не можетъ ли быть завѣтъ, не можетъ ли быть рѣчи о заключеніи завѣта и тамъ, гдѣ не было взаимныхъ обязательныхъ условій между двумя сторонами?—Обратимъ вниманіе на то, что сущность завѣта, духъ его и данныя для него обыкновенно предшествуютъ внѣшнему заключенію завѣта и составляютъ всеобщее основоположеніе этого заключенія его.—Это внѣшнее заключеніе завѣта есть только торжественное признаніе тѣхъ отношеній, для которыхъ данныя готовы были уже прежде, и прежде были въ сознаніи, въ мысли и намѣреніяхъ той и другой стороны.—Такъ это бываетъ обыкновенно въ человѣческихъ отношеніяхъ; договора быть не можетъ, если прежде не было потребности и данныхъ для договора. Такъ еще болѣе это—въ отношеніяхъ Божественныхъ къ человѣческимъ.—Каждое благодѣяніе Божіе налагаетъ извѣстныя обязательства на того, кому оказано благодѣяніе,—выражены ли внѣшне Богомъ и пріемлющимъ благодѣянія эти обязательства, или нѣтъ. Это ясно видно и въ настоящемъ случаѣ.—При Синайскомъ завѣтоположеніи обязательная сила Божественныхъ заповѣдей основывалась на томъ, что Богъ вывелъ Израиля изъ Египта, изъ дому работы. Такимъ образомъ Синайскій завѣтъ, по существу своему, по духу и даннымъ предшествовалъ внѣшнему заключенію завѣта при самомъ Синаѣ, и начало его совпадаетъ со временемъ изведенія Евреевъ изъ Египта; завѣтъ при Синаѣ есть необходимое слѣдствіе съ одной стороны, съ другой внѣшнее, открытое утвержденіе того, что было положено въ фактѣ изведенія Евреевъ изъ Египта.—Отпаденіе отъ Бога, неповиновеніе Ему было нарушеніемъ завѣта и прежде Синайскаго завѣтоположенія, оно было бы нарушеніемъ завѣта и безъ внѣшняго завѣтоположенія,—какъ это и было дѣйствительно такъ между временемъ исхода изъ Египта и временемъ Синайскаго законодательства: Богъ наказывалъ за неповиновеніе Себѣ, какъ за нарушеніе завѣта, хотя завѣта еще не было внѣшнимъ образомъ положено при Синаѣ. Нарушеніемъ завѣта было бы и то, если бы народъ отказался заключить съ Богомъ завѣтъ, и на желаніе Божіе отвѣчалъ нехотѣніемъ.—Это еще яснѣе открывается изъ того, что новый завѣтъ, о которомъ здѣсь рѣчь, собственно не былъ освященъ такимъ внѣшнимъ торжественнымъ дѣйствіемъ объявленія его или условіями съ той и другой стороны. Если же онъ, несмотря на то, тѣмъ не менѣе—завѣтъ въ собственномъ смыслѣ, если

имъ постановлены отношенія независимо отъ формальнаго, единичнаго объявленія его и взаимныхъ обязательствъ: то и при Ветхомъ Завѣтѣ, точно также, внѣшнее завѣтоположеніе—объявленіе завѣта, не есть главное въ завѣтѣ; завѣтъ *былъ* уже *и до него, былъ бы и безъ* него; оно было только внѣшнимъ дѣйствіемъ. Такимъ образомъ, сущность Ветхаго Завѣта состоитъ не во внѣшнемъ объявленіи заповѣдей при Синаѣ, но въ особенныхъ благодѣяніяхъ Божіихъ народу еврейскому, наложившихъ и налагавшихъ на него извѣстныя, выраженныя въ законѣ обязательства. Въ соотвѣтствіе сему и новый завѣтъ, о заключеніи котораго здѣсь идетъ рѣчь, состоитъ собственно въ особенныхъ благодатныхъ дѣйствіяхъ Божіихъ народу, которыми Богъ хочетъ показать себя народу его особеннымъ и собственнымъ Богомъ, а не во внѣшнемъ его объявленіи.—Каждое изъ этихъ благодатныхъ дѣйствій заключаетъ въ себѣ новое обязательство для народа и есть какъ бы фактическій вопросъ: вотъ что я дѣлаю для тебя,—что ты сдѣлаешь для меня? Ты долженъ дѣлать то и то, за то, что я для тебя сдѣлалъ и дѣлаю то и то.—Теперь можно опредѣлить, въ какомъ смыслѣ здѣсь противополагается Ветхій завѣтъ новому,—что значитъ это—ветхій и новый.—Понятіе новаго завѣта не означаетъ здѣсь того, что имъ начинаются и въ немъ опредѣляются совершенно новыя отношенія, которыхъ не заключалось въ основоположеніи ветхаго завѣта. Завѣтъ съ Израилемъ—завѣтъ по духу своему вѣчный, какъ основывающійся на неизмѣнномъ существѣ Божіемъ. Іегова не былъ бы Іеговою, если бы въ основаніи новаго завѣта положилъ совершенно новое начало, какого не было въ прежнемъ. Глаголю же, говоритъ Апостолъ Павелъ (Рим. 15, 8.) *глаголю же Христа Іисуса служителя бывша обрѣзанія по истинѣ Божіей, во еже утвердити обѣтованія отцевъ, а языкомъ по милости прославити Бога.*—Посланіе Христа, съ Его дарами, благами и благодатію, заключеніе новаго завѣта, есть слѣдствіе вѣрности Бога завѣту Своему. Если потому здѣсь противополагаются ветхій и новый завѣты: то первый означаетъ не отношенія Бога къ Израилю въ себѣ и во всемъ ихъ объемѣ, а только раннюю, прежнюю форму этихъ отношеній.—Этой прежней формѣ здѣсь противополагается будущая новая форма тѣхъ же отношеній, подъ именемъ новаго завѣта. Это новое, которое должно замѣнить старое, по существу своему, есть высшее осуществленіе этого стараго; и потому только измѣняется одна форма: *внегда же*

глаголетъ—новъ, обветши перваго, а обветшавающее и состарѣвающееся близъ есть истлѣнія (Евр. 8, 13).—Если теперь древній завѣтъ есть прежняя, а новый—будущая форма одного и того же завѣта, то спрашивается далѣе: между многими различіями этихъ обѣихъ формъ, какое имѣетъ въ виду Пророкъ?—Рѣшеніе этого вопроса вытекаетъ изъ того, что̀ Пророкъ говоритъ о новомъ завѣтѣ.—Если имъ замѣняется древній: то, очевидно, онъ долженъ имѣть преимущества предъ тѣмъ.—Эти преимущества, указываемыя пророкомъ, чисто духовныя, внутреннія,—а) прощеніе грѣховъ и б) написаніе закона въ сердцѣ и мысляхъ.—Блага ветхаго завѣта были по преимуществу внѣшнія, на что указываетъ и ближайшее означеніе его, какъ заключеннаго при выходѣ изъ Египта, причемъ разумѣются и другія, послѣдующія благодѣянія Божіи,—залогомъ которыхъ была Пасха.—Пророкъ, какъ и всякій другой, на опытѣ видѣлъ, что путемъ этого закона не навсегда можно слѣдовать въ той его формѣ. Грѣховность народа въ его время проявилась въ такихъ страшныхъ размѣрахъ, что онъ долженъ былъ ясно видѣть и глубоко почувствовать, что внѣшними благословеніями, внѣшнимъ спасеніемъ изъ рабства немного можно помочь народу. Что поможетъ благодѣяніе, въ слѣдъ за которымъ правда Божія требовала, должна была требовать наказанія нечестиваго народа? Условіе истиннаго, твердаго и продолжительнаго внѣшняго благосостоянія есть благосостояніе внутреннее; это послѣднее и должно было быть высшей цѣлью стремленій Пророка; на него и указываетъ онъ, какъ на высочайшее благо будущаго, какъ на новый завѣтъ (ср. 32, 40).—Такимъ образомъ, ветхій завѣтъ новому противополагается, какъ по преимуществу внѣшній внутреннему, какъ временныя, чувственныя благодѣянія со стороны Бога внутреннимъ духовнымъ, вѣчнымъ, какъ внѣшнее по преимуществу служеніе Бога со стороны человѣка внутреннему, духовному; но не какъ совершенно особенный, не имѣющій общаго съ прежнимъ, и въ основаніи котораго было бы совсѣмъ новое начало.—Таковъ, какъ видимъ, и есть новый завѣтъ, завѣтъ Мессіи. Послѣднія слова 32-го ст. испытали довольно много толкованій и перетолкованій. Слово baalti LXX перевели *κἀγὼ ἠμέλησα αὐτῶν*—въ славянскомъ *и азъ небрегохъ ихъ.* Апостолъ въ посланіи къ Евреямъ 8, 9. приводитъ этотъ текстъ по LXX. Но LXX, кажется, перевели слово это не совсѣмъ точно, дали ему другой смыслъ, который не совсѣмъ

идетъ къ контексту.—Писателю посланія къ Евреямъ нужно было показать только, что новый завѣтъ выше ветхаго—въ томъ мѣстѣ, гдѣ приводитъ онъ этотъ стихъ изъ Пророка,—и такъ какъ разсматриваемыя слова совершенно равнозначительны для его цѣли, какъ бы ихъ ни переводили, потому что не въ нихъ выражается главная мысль Апостола, а они—только придаточныя слова: то онъ просто послѣдовалъ LXX, какъ дѣлаетъ и въ другихъ мѣстахъ.—Но собственно слово baalti нужно перевести *я вѣренъ былъ имъ*, или—*я любилъ ихъ*;—и этимъ словомъ указывается не на причину замѣненія ветхаго завѣта, какъ поняли LXX, но на безконечную любовь Божію, на вѣрность Его завѣту, въ противоположность невѣрности Ему народа. Мысль та: народъ въ неблагодарности нарушилъ завѣтъ, преступилъ обязательства, наложенныя на него прежними благодѣяніями. Но Богъ всегда вѣренъ завѣту, не хочетъ оставить древнихъ милостей, а даже даруетъ новыя благодѣянія, которыя будутъ основаніемъ новаго завѣта, лучшаго, имѣющаго отмѣнить ветхій, какъ низшій, именно, по вѣрности тому же завѣту. Онъ любитъ преступнаго Израиля, несмотря на его преступленія, и по этой любви окажетъ ему новыя благодѣянія,—новый завѣтъ любви, который будетъ твердъ, крѣпокъ, неразрушимъ.

Ст. 33. *По днѣхъ онѣхъ*. Пророкъ такъ часто и выразительно указываетъ на будущее потому, что невѣрнымъ и маловѣрнымъ могло показаться, что настоящимъ бѣдствіемъ оканчивается исторія завѣтнаго народа, что въ будущемъ ждать нечего. Подъ именемъ закона нѣкоторые толкователи разумѣютъ здѣсь только ученіе, но несправедливо. Словомъ *торах*—нигдѣ не означается только ученіе, а всегда законъ—завѣтъ, и—что здѣсь рѣчь идетъ собственно о законѣ Божіемъ, вѣчномъ выраженіи Его вѣчнаго существа, это показываетъ отношеніе дарованія этого закона въ мысли и написанія на сердцѣ къ внѣшнему дарованію закона и написанію на скрижаляхъ при Синаѣ. Законъ—завѣтъ одинъ и тотъ же, только различны отношенія, въ которыхъ Богъ поставляется ими къ человѣку, различна форма: lex cum homine quasi conciliatur, какъ замѣчаетъ одинъ изъ толкователей. Изъ противоположенія, въ какомъ представляются здѣсь ветхій и новый завѣты, можно вывести заключеніе, что законъ ветхозавѣтный былъ только внѣшней, мертвой буквой. Но такое заключеніе было бы несправедливо; здѣсь рѣчь идетъ только объ относительномъ различіи и противополож-

ности завѣтовъ; мысль о чисто-внѣшнемъ значеніи ветхаго закона—мысль совершенно неправдоподобная даже. Въ такомъ случаѣ, этимъ завѣтомъ Богъ сдѣлалъ бы съ Евреями то же, что съ предателемъ Іудой, у котораго въ совѣсти былъ святой нравственный законъ, но не было силы для раскаянія. Но такой поступокъ возможенъ только тамъ, гдѣ есть субъективная невозможность ἀνακαινίζειν εἰς μετάνοιαν, чего, конечно, нельзя сказать о народѣ Еврейскомъ. Дать одно внѣшнее, безъ средствъ и возможности пользоваться внутреннимъ, сущностію, это не сообразно. Какъ скоро мы знаемъ внѣшній фактъ изведенія Евреевъ изъ Египта, то знаемъ уже вмѣстѣ съ тѣмъ, что Богъ тогда сильно коснулся сердца Израиля; какъ скоро извѣстно, что законъ Синайскій начертанъ былъ на скрижаляхъ перстомъ Божіимъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстно уже, что онъ данъ и для того, чтобы Израиль напечатлѣлъ его на скрижаляхъ сердца своего; первое не достигало бы цѣли безъ послѣдняго. На что указываетъ самое дѣло, о томъ свидѣтельствуетъ и исторія. Въ самомъ законѣ обрѣзаніе, напримѣръ, не просто есть одинъ внѣшній законъ, но залогъ и печать обрѣзанія сердца, такъ—чтобы любить Бога всѣмъ сердцемъ, всей душей и всѣми силами. Это обрѣзаніе сердца, котораго подъ внѣшнимъ обрѣзаніемъ Богъ требуетъ и обѣщаетъ, по существу дѣла, не отлично отъ написанія закона въ сердцѣ и мысли. Далѣе, если бы законъ Господень былъ для Израиля просто одной внѣшней буквой, какъ объяснить тогда эти восторженныя похвалы закону, какія находимъ въ Писаніи, и которыя изречены лучшими представителями народа Еврейскаго? (Псал. 18). Это не внѣшняя буква закона.—Да, что въ разсматриваемомъ пророчествѣ обѣщается какъ будущее, то выразилъ одинъ благочестивый мужъ Ветхаго Завѣта въ той же формѣ, какъ уже достигнутое имъ, какъ его собственное духовное состояніе: сотворити волю Твою, Боже, восхотѣхъ, и законъ Твой посредѣ чрева моего (Псал. 39, 9), выразилъ совершенно въ той же противоположности закону какъ внѣшней буквѣ, какъ написанному на скрижаляхъ каменныхъ. И мало ли говорится о Ветхомъ законѣ, какъ о законѣ, долженствующемъ быть написаннымъ на сердцѣ? Притч. 3, 1—3. 7, 3. Развѣ можно представить, что для лучшихъ представителей народа Еврейскаго законъ былъ одною внѣшнею буквою, напр., для пророковъ, ратовавшихъ за духъ закона, за то, чтобы онъ былъ написанъ на сердцѣ? Такимъ образомъ, ветхій законъ

не долженъ былъ быть и не былъ по существу своему одной внѣшней буквой, а духомъ, и если ему противополагается здѣсь законъ новый, то противополагается только какъ законъ высшій, болѣе духовный; различіе въ степени ихъ, такъ сказать, духовности—различіе полноты и совершенства. Какое отношеніе ихъ въ этомъ различіи? Кажется, что этотъ вопросъ вполнѣ разрѣшается пророчествомъ Іоиля объ изліяніи Духа во времена этого новаго завѣта; отношеніе ветхаго завѣта къ новому такое же, какъ въ изліяніи даровъ Духа въ то и другое время, или такое же, какъ отношеніе царства благодати къ царству славы; одинъ—совершеніе и полнѣйшее раскрытіе другаго. Вотъ параллельныя разсматриваемому мѣста: 24, 7. 32, 39, Езек. 11, 19. 20. 36, 26. 27 и др. Вездѣ полнѣйшее развитіе того, что имѣлъ въ себѣ не въ такой мѣрѣ ветхій завѣтъ. Выраженіе: *и буду имъ въ Бога* и пр. не безъ причины поставлено послѣ словъ: *дая законы въ мысли* и пр. Законъ есть выраженіе Божественнаго существа; только тѣмъ, что законъ написанъ въ сердцѣ человѣка, сей послѣдній можетъ святить въ себѣ имя Господне; только тогда Богъ есть истинный Богъ человѣка, а человѣкъ есть поистинѣ человѣкъ Божій; а это священіе имени Божія и означаютъ слова: *Азъ буду имъ въ Бога и тіи будутъ Ми въ люди*. Впрочемъ, и здѣсь та же относительность и градація. Еще Аврааму Богъ обѣтовалъ, что Онъ хочетъ быть Богомъ его и сѣмени его по немъ, и эго обѣтованіе послѣ повторилъ Онъ и цѣлому народу—Лев. 26, 12. ср. Исх. 29, 45. Въ сознаніи, что это обѣтованіе осуществилось, Давидъ взываетъ: *блаженъ языкъ, ему же есть Господь Богъ его, люди, яже избра въ наслѣдіе себѣ*. Слѣдовательно, и здѣсь выражается обѣтованіе не совершенно новое, и—эта черта завѣта не совсѣмъ новая. Если бы рѣчь была о совершенно новомъ: то этимъ все царство Божіе подъ ветхимъ завѣтомъ представлялось бы однимъ призракомъ, воображаемымъ царствомъ. Слѣдовательно, рѣчь опять только о полнѣйшемъ развитіи и осуществленіи въ новомъ ветхаго.

Ст. 34. Первая половина стиха издревле подвергалась различнымъ толкованіямъ и перетолкованіямъ. Мысль, что—такъ какъ *всѣ будутъ научены Самимъ Богомъ*, не нужно будетъ человѣческое наученіе о предметахъ Божественныхъ, на первый взглядъ представляется странною, и употребляема была Анабаптистами, Квакерами и другими энтузіастами—мечтателями въ пользу своихъ теорій о познаніи Божества чело-

вѣкомъ. Нѣкоторые изъ древнихъ толкователей (Ѳеодоритъ, Августинъ) относятъ исполненіе этого обѣтованія исключительно къ будущей жизни, утверждая, что тамъ не будетъ дѣйствительно нужды ни въ какомъ человѣческомъ наставленіи, такъ какъ лицемъ къ лицу будутъ созерцать Бога. То правда, что полнѣйшимъ образомъ осуществится это обѣтованіе въ будущей жизни, но нельзя не прилагать пророчества и къ царству благодати, къ царству Христову подъ новымъ завѣтомъ на землѣ: ибо рѣчь идетъ о немъ. Трудность разрѣшается частію другимъ, не столь далекимъ и исключительнымъ объясненіемъ. Нужно обратить вниманіе на то, что человѣческое наученіе исключается здѣсь потолику, поколику оно противополагается наученію отъ Бога о Себѣ Самомъ, что здѣсь слѣдовательно рѣчь идетъ о человѣческомъ только наученіи, независимо отъ Божественнаго, по человѣческимъ средствамъ, силамъ, умствованіямъ, наученіе, основывающееся чисто на человѣческомъ авторитетѣ, безъ высшаго Божественнаго авторитета. Такая вѣра въ одинъ человѣческій авторитетъ дѣйствительно уничтожаетъ самое существо религіи. Богъ остается въ этомъ случаѣ отвлеченной мыслью, такъ какъ не отъ Него ученіе о Немъ, мыслію, которая въ борьбѣ противъ зла не доставляетъ силы, въ бѣдствіяхъ— никакого утѣшенія. Подъ ветхимъ завѣтомъ нѣчто подобное могло случаться нерѣдко. Дары Духа были сообщаемы не въ полной мѣрѣ, масса обладала, если не исключительно, то по преимуществу, познаніемъ о предметахъ Божественныхъ чрезъ посредство. Новый Завѣтъ долженъ принести съ собою полнѣйшее изліяніе даровъ Духа, и въ отношеніи къ самымъ дарамъ, и въ отношеніи къ количеству принимающихъ и получающихъ ихъ. При немъ противоположность между ученіемъ отъ Бога и ученіемъ человѣческимъ не должна имѣть мѣста; учители должны поучать не отъ себя, не отъ своихъ мудрованій, но какъ служители, орудія и органы Бога Самого; не они самя отъ себя, но Духъ долженъ говорить чрезъ нихъ, по обѣтованію Христову; научаемые будутъ, по этому обѣтованію, слушать отъ людей не слово человѣческое, но поистинѣ слово Божіе, и должны принимать его не потому, что оно удовлетворяетъ ихъ разуму, но потому, что Духъ свидѣтельствуетъ, что оно истина есть, какъ и Духъ истина есть. Какъ эта противоположность можетъ разрѣшаться въ высшемъ единствѣ, это показываетъ, между прочимъ, изреченіе апостола Павла: *вы есте посланіе Христово, служе-*

ное нами, написано не черниломъ, но Духомъ Бога жива, не на скрижалехъ каменныхъ, но на скрижалехъ сердца плотяныхъ (2 Кор. 3, 3). Они θεοδίδακτοι, но чрезъ служеніе Апостола, который, совершая сіе дѣло, творитъ дѣло Божіе, и поучаетъ не самъ по себѣ, но какъ только проводникъ силы Божественной, труба, чрезъ которую Духъ изливается на общество. Въ томъ же смыслѣ говоритъ и Ап. Іоаннъ: *вы помазаніе имате отъ Святаго и вѣсте вся; не писахъ вамъ, яко не вѣсте истины, но яко вѣсте ю. И вы, еже помазаніе пріясте отъ Него, въ васъ пребываетъ и не требуете, да кто учитъ вы, но яко то само помазаніе учитъ вы о всемъ, и якоже научи васъ, пребывайте въ немъ* (1 Іоан. 2, 20. 27). Διδάσκειν означаетъ здѣсь наученіе человѣческое, въ противоположность Божественному, такое, которое въ научаемомъ производитъ познаніе независимое, или лучше—своеобразное. Такое ученіе не можетъ имѣть мѣста въ Новомъ Завѣтѣ. Основаніе знанія живетъ въ членахъ этого завѣта, присуще имъ всегда; Утѣшитель—Духъ научаетъ ихъ всему (Іоан. 14, 26) и наставляетъ ихъ на всякую истину (16, 13). Разумѣется, рѣчь идетъ объ истинныхъ членахъ этого Завѣта. Но это не исключаетъ наученія отъ тѣхъ, которыхъ Богъ поставилъ въ Церкви Своей Апостолами, Пророками, Евангелистами, Учителями, которымъ и сообщилъ особенныя Χαρίσματα для наученія, не исключаетъ, говоримъ, а напротивъ, предполагаетъ; но это наученіе—то же, что Божественное наученіе. Апостолъ пишетъ именно потому, что знаетъ истину. Безъ этого всѣ его труды были бы напрасны. Что поможетъ— учить слѣпого различію красокъ и цвѣтовъ? Для члена Новаго Завѣта истина потому истина, что ее говоритъ Богъ, а узнаетъ онъ ее, какъ истину, потому, что онъ соединенъ съ Богомъ чрезъ Бога, потому что въ немъ самомъ есть благодатные дары Божіи. Жизнь и истинное, живое познаніе происходятъ только отъ источника всякой жизни. Но тамъ, гдѣ есть истинная религіозная жизнь, тамъ вѣдѣніе, могущее развиваться при помощи учителей, поставленныхъ Богомъ, вѣдѣніе твердое, которое можетъ судить, что—отъ Бога и что отъ Бога нѣсть, и слѣдовательно, вѣдѣніе отъ Бога, наученіе Богомъ. Впрочемъ, что и здѣсь различіе Новаго отъ Ветхаго Завѣта относительное, что и здѣсь между ними отношеніе только полноты и совершенства вѣдѣнія, это ясно. Всѣ благочестивые мужи Ветхаго Завѣта были θεοδίδακτοι, и въ Новомъ Завѣтѣ, съ другой стороны, безконечно велико число

такихъ, которые по собственной винѣ стоятъ въ посредственной связи съ истиною. Рѣчь идетъ здѣсь о полнѣйшемъ раздѣленіи даровъ Духа. Прощеніе грѣховъ есть необходимое основаніе сего. Грѣхи, которые раздѣляютъ народъ отъ Бога, будутъ оставлены; вмѣстѣ съ этимъ, какъ плодъ, должно быть обильнѣйшее изліяніе даровъ Духа, а это основаніе всякаго вѣдѣнія и условіе полноты вѣдѣнія, которое развивается при помощи учителей, поставленныхъ отъ Бога. Итакъ, повторяемъ, здѣсь выражается различіе или противоположеніе полноты вѣдѣнія духовнаго, зависящее отъ прощенія грѣховъ и изліянія даровъ Духа Грѣхи народа ветхозавѣтнаго могли казаться тогда вѣрующимъ такъ великими, что прощенія не могли ожидать въ нихъ; удаленный отъ лица Іеговы, народъ думалъ, что въ землѣ чужой онъ и окончитъ жизнь свою, и не настанутъ времена обращенія. Пророкъ отъ имени Господа и говоритъ, что не только народъ возвратится, но настанетъ еще лучшее время; грѣхи будутъ прощены,— и это послужитъ началомъ новой жизни, когда всѣ будутъ знать Господа.— Полное осуществленіе этого обѣтованія, само собою разумѣется, принадлежитъ все-таки будущей жизни.

Ст. 35—37. Эти слова содержатъ въ себѣ увѣреніе въ истинѣ высказаннаго обѣтованія о неотверженіи народа и возобновленіи съ нимъ завѣта. Измѣреніе небесъ и изслѣдованіе земли—не возможно; не возможно и то, чтобы Богъ отвергъ народъ свой. Законы свѣта и вообще міра непреложны, непреложно и то, что Богъ не отвергнетъ народа Своего.—Если престанутъ дѣйствовать эти законы: то и Богъ отвергнетъ народъ Свой; но первое невозможно и нестаточно, не будетъ и послѣдняго.

Ст. 39—40. Эти стихи заключаютъ въ себѣ двоякое пророчество: а) пророчество о возстановленіи царства Божія, представляемаго здѣсь подъ образомъ возстановленія Іерусалима, средоточія его въ Ветхомъ Завѣтѣ.—б) пророчество о прославленіи царства Божія, которое такъ усилится и укрѣпится, что покоритъ себѣ царство зла, тогда какъ прежде это послѣднее дѣлало на него постоянныя нападенія, и оно никакъ не могло предохраниться отъ того, чтобы врагъ не проникалъ въ самое сердце его. Эту мысль облекаетъ пророкъ въ наглядную форму, представляя, что Іерусалимъ распространитъ свой объемъ и на тѣ нечистыя мѣста, которыми онъ былъ окруженъ, и они взойдутъ во святилище Іеговы. Въ прежнее время побѣда міра надъ царствомъ Божіимъ откры-

валась и представлялась очевидною особенно въ томъ, что мерзость грѣха и безбожія проникала даже въ святой храмъ (7, 11). За этой внутренней побѣдой по необходимости должна была слѣдовать внѣшняя побѣда; избранный народъ, который внутренно поработился міру, оскверненъ былъ по собственной винѣ, и внѣшне часто порабощаемъ былъ міромъ, въ наказаніе, и это порабощеніе тяготѣло въ особенности надъ святымъ городомъ и храмомъ, гдѣ сосредоточивалось и внутреннее порабощеніе. Въ противоположность сему, здѣсь изображается побѣда царства Божія надъ царствомъ міра. Внѣшней святости города и храма противопоставляется внѣшняя нечистота мѣстъ около Іерусалима. Если побѣда міра надъ царствомъ Божіимъ проявлялась въ томъ, что святыя мѣста—городъ и храмъ были осквернены, то побѣда царства Божія надъ міромъ обнаружится въ освященіи этихъ нечистыхъ мѣстъ. Отчего произойдетъ эта великая перемѣна,—чѣмъ царство Божіе, казавшееся дотолѣ столь безсильнымъ, такъ усилится, чѣмъ изъ раба сдѣлается господиномъ,—этого пророкъ не раскрываетъ здѣсь; данныя для этого представлены въ предыдущихъ стихахъ: 32—34. Различіе основывается на томъ, что новый завѣтъ не таковъ по своей силѣ, какъ ветхій, что въ немъ есть истинное оружіе, которымъ могутъ быть побѣждены грѣхъ и міръ,—великое обиліе даровъ Духа и прощеніе грѣховъ.—Помянутыя здѣсь нечистыя мѣста всѣ лежали близъ стараго Іерусалима.—Образъ, очевидно, взятъ съ возстановленія Іерусалима послѣ плѣна Вавилонскаго.—Это царство Божіе, представленное подъ образомъ Іерусалима, не распадется и не разрушится, а будетъ вѣчно, заключаетъ Пророкъ.—Подобное предсказаніе о распространеніи Іерусалима или царства Божія содержится у Пророка Захаріи (14, 10).

Плачъ Іереміи.

Епископа Михаила.

Книга плача имѣетъ въ Еврейскихъ кодексахъ два надписанія, одно—отъ перваго слова, которымъ начинается она—*эйха*—какъ; другое отъ содержанія и характера книги, *кинот*—плачъ. Послѣднее названіе перешло во всѣ почти переводы священной книги и между ними—въ переводъ LXX, въ которомъ эта книга надписывается θρῆνοι Ἰερεμίου—плачъ Іеремiевъ, какъ переведено и у насъ въ славянскомъ переводѣ.

Въ Еврейскихъ кодексахъ не означается имя писателя этой книги; но что она принадлежитъ Іереміи, это несомнѣнно. Общее преданіе Іудейской церкви, сохраненное переводомъ LXX, въ которомъ эта книга прямо приписывается Іереміи, и Іосифомъ Флавіемъ, преданіе Христіанской церкви, писатели которой всѣ, имѣвшіе случай говорить объ этой книгѣ, приписываютъ ее Іереміи, наконецъ, сравненіе ея съ самою книгою Іереміи, при чемъ нельзя не видѣть въ нихъ единства языка, духа, чувства и лица пишущаго, несомнѣнно увѣряютъ, что писатель этого „плача"—мужъ плача и скорби—Пророкъ Іеремія.

Къ написанію сей книги или, точнѣе, къ изліянію сего плача Іеремія былъ подвигнутъ горькой участью своею и своихъ соотечественниковъ—Іудеевъ, отведенныхъ въ плѣнъ Вавилонскій. Отводимый въ плѣнъ, поселяемый среди враждебнаго и нечестиваго народа, весь Израиль не могъ не предаться тяжелой скорби о любезномъ отечествѣ и Іерусалимѣ, такъ нещадно опустошенномъ и разрушенномъ рукою иноплеменниковъ. Сердолюбивый Іеремія, хотя и не раздѣлялъ съ единоплеменниками сей горькой доли, не могъ, однако же, не раздѣлять съ ними ихъ печали, которая въ сердцѣ такого любвеобильнаго человѣка содѣлалась глубокою и пространною, какъ любовь его сердца: скорбь всего Израиля, можно сказать, слилась и сосредоточилась въ душѣ пророка, занимающагося участію единоплеменниковъ болѣе, нежели они сами. Но къ симъ побужденіямъ сѣтовать и къ этой скорби присоединились другія, высшія побужденія и другая

скорбь. Духъ, глаголавшій во Пророкахъ, руководитель и наставникъ Іереміи, вдохнулъ ему высшую скорбь пророческую; сей плачевный органъ, въ который образовалось сердце Іереміи, Онъ благоволилъ настроить своими перстами, и всей скорби его далъ направленіе, значеніе и тонъ, сообразно своимъ Божественнымъ цѣлямъ.

И было, пишется въ заглавіи этой книги, *когда въ плѣнъ отведенъ былъ Израиль, Іерусалимъ опустошенъ былъ, сѣлъ Пророкъ Іеремія плакать и рыдалъ объ Іерусалимѣ.*

Предметъ сего плача и рыданія Пророческаго: опустошенный Іерусалимъ, бѣдственное положеніе единоплеменниковъ и собственныя бѣдствія и горести Пророка.

Весьма прилично книга эта носитъ имя Плача. Ея тонъ и языкъ плачевный. Вся она есть одно рыданіе. Все дышетъ въ ней разительною и глубокою скорбію; самыя слова и выраженія какъ бы увлажены слезами.

Въ первыхъ двухъ главахъ изображается бѣдственное состояніе земли Іудейской и Іерусалима—царя и народа. Пророкъ частію говоритъ отъ своего лица, частію выводитъ говорящими Сіонъ и Іудею.

Въ третьей главѣ Пророкъ изображаетъ собственныя бѣдствія, претерпѣнныя имъ отъ народа.

Въ четвертой главѣ снова изображаются бѣдствія земли и выражается упованіе на избавленіе.

Пятая глава въ Вульгатѣ надписывается—„молитва пророка Іереміи“. Въ подлинникѣ и у LXX этого надписанія нѣтъ; въ нашъ славянскій переводъ это надписаніе внесено, какъ вѣроятно, изъ Вульгаты; содержаніе ея таково-же, какъ и всего Плача, описываются тѣ же бѣдствія.

Въ словахъ сѣтующаго Пророка слышны какъ бы жалоба и ропотъ. Но эта жалоба и этотъ ропотъ далеко не тѣ, какіе слышатся изъ устъ мірскихъ людей, караемыхъ рукою правосуднаго Бога. Это не ропотъ, а невольный голосъ слабой человѣческой природы, въ которомъ не участвуютъ воля и свобода сердца. И въ самомъ чувствѣ печали, при всей ея глубинѣ и поразительности, нѣтъ отчаянія и безнадежности: сквозь мракъ глубокой скорби просіяваетъ надежда, и вся эта скорбь, наконецъ, переливается въ умилительное чувство упованія на милость Божію, и мы слышимъ изъ устъ Іереміи: *„Благъ Господь надѣющимся на Него; благо душѣ, ищущей Его и надѣющейся въ молчаніи спасенія Его!*

Наконецъ, вся эта книга плача запечатлѣна высокимъ поэтическимъ характеромъ. Іеремія не только самъ плакалъ

и рыдалъ; но и народъ и все окружающее его побуждалъ къ сѣтованію и слезамъ. „Стѣны дщери Сіона, взывалъ онъ, да изліютъ, какъ потоки, слезы день и ночь. Не дай (Израиль) покоя себѣ, и да умолкнетъ зѣница очей твоихъ.. Пролей, какъ воду, сердце твое предъ лицемъ Господнимъ“.

Плачъ Іереміи есть плачъ, растворенный молитвою и оканчивающійся ею, есть, можно сказать, молитвенный вопль его къ Богу о народѣ и самомъ себѣ.

Іеремія, сидящій и рыдающій объ Іерусалимѣ за себя и за Израиля, живо напоминаетъ намъ праотца Адама, сидящаго прямо раю и плачущаго о потерѣ своего жилища, и есть, можно сказать, отобразъ прошедшаго событія.

Но что составляетъ особенную знаменательность плача Іереміина,—въ сѣтующемъ страдальцѣ Пророкѣ нельзя не видѣть разительнаго и живаго образа другого страдальца, скорбящаго о Іерусалимѣ и Іудеяхъ во время своей крестной жизни и смерти. Многія черты, которыми плачущій Іеремія изображаетъ свою участь, прямо идутъ къ изображенію состоянія Спасителя, и Пророкъ, какъ замѣтили древніе, описываетъ не столько себя и свое положеніе, сколько лице Мессіи и Его скорбную участь. Языкъ почти тотъ же.

Іеремія рыдаетъ объ участи единоплеменниковъ. Спаситель скорбитъ о всемъ родѣ человѣческомъ, единоплеменномъ съ Нимъ по человѣчеству.

Іеремія плачетъ объ опустошеніи и разореніи Іерусалима: и Спаситель проливаетъ слезы о духовномъ опустошеніи Іерусалима чрезъ невѣріе и объ угрожающемъ ему разореніи отъ видимыхъ враговъ.

Пророкъ скорбитъ и плачетъ о себѣ болѣе потому, что Господь единственное его утѣшеніе—оставилъ его. „Очи моя изливаютъ воду, потому что удалился отъ меня утѣшающій меня. Когда воскричу и возопію, Онъ заграждаетъ молитву мою“. И самая сильная скорбь и туженіе Спасителя проистекли отъ того, что Богъ Отецъ, въ послѣдніе часы земной жизни Его, оставилъ Его и лишилъ утѣшенія: такъ что молитва, которая прежде составляла для Іисуса Христа первѣйшій источникъ утѣшенія и отрады, въ саду Геѳсиманскомъ столько была неутѣшительна и трудна, что ему нужно было усиливать и, такъ сказать, напрягать ее, простирая ее до кроваваго пота. Но гораздо яснѣе и разительнѣе это оставленіе Іисуса Христа Богомъ Отцемъ обнаружилось въ то время, когда Сынъ Божій, вися на крестѣ, взывалъ къ Богу Отцу: *Боже мой, Боже мой! почто Ты Меня оставилъ?*

„Всѣ проходящіи путемъ обратитеся и видите: есть-ли такая болѣзнь, какъ болѣзнь моя!“ Такъ вопіялъ Іеремія въ избыткѣ печали. Господь молчалъ среди лютѣйшихъ мученій, не отверзалъ устъ Своихъ на жалобу: но Его видъ, когда Онъ, претерпѣвши безчеловѣчное бичеваніе, насмѣшки и ругательства, выставленъ былъ Пилатомъ къ народу, и когда Онъ висѣлъ на крестѣ, видъ сего Божественнаго Страдальца внушалъ ту же мысль и слова: *Всѣ проходящіи путемъ и стоящіи близъ креста, обратитеся и видите: есть ли такая болѣзнь, какъ болѣзнь моя?*

Господь предначерталъ, и воздвигъ сей такъ сказать, громогласный прообразъ скорбящаго Мессіи для того, дабы скорбь Іисуса Христа была не токмо не странна для Іудея, болѣе склоннаго видѣть Мессію въ славномъ состояніи, но понятна и священна для него по сходству ея съ Плачемъ Пророка, и дабы возвѣстить всѣмъ намъ, сколь велика была скорбь и туга Спасителя, коими объята была душа Его даже до смерти, и которыя токмо въ немногихъ словахъ высказываются въ Евангеліи.

Къ книгѣ Плача въ нашемъ славянскомъ переводѣ присоединено Посланіе Пророка Іереміи къ Іудеямъ, отведеннымъ въ Вавилонъ. Въ еврейскихъ кодексахъ и Вульгатѣ оно присоединено къ слѣдующей за плачемъ книгѣ Варуха. Это, впрочемъ, все равно. И Іудейская и Христіанская церковь всегда почитали это посланіе подлиннымъ посланіемъ Пророка Іереміи. Пророкъ еще изъ Іерусалима послалъ одно письмо къ отведеннымъ въ Вавилонъ при Іехоніи (XXIX гл.). Настоящее письмо относится, кажется, къ тому времени. Это—замѣчательнѣйшее посланіе по изображенію ничтожности боговъ языческихъ и смѣшныхъ обычаевъ Вавилонянъ въ отношеніи къ своимъ богамъ; въ немъ сосредоточено все, что Пророки говорили о богахъ языческихъ; главная мысль—та, что это не боги, и что ихъ нечего потому опасаться и прилѣпляться къ нимъ, а нужно служить единому истинному Богу—Іеговѣ.

(Изъ Тульск. Епарх. Вѣдом. № 11—19, 1902 г.).

Тула. 17 Октября 1902 г. Дозволено цензурою.
Цензоръ Протоіерей *Георгій Пановъ*.

Типографія И. Д. Фортунатова насл., въ Тулѣ.

КАФЕДРА БИБЛЕИСТИКИ МОСКОВСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

www.bible-mda.ru



Кафедра библеистики — учебное и научное подразделение Московской православной духовной академии (www.mpda.ru), обеспечивающее преподавание более 20 дисциплин. Заведующий кафедрой — доцент протоиерей Леонид Грилихес. Основное научное направление кафедры — разработка углубленного курса святоотеческой экзегетики с привлечением широкого контекста всех современных библейских исследований.

Проект по созданию электронных книг

Проект осуществляется совместно с Региональным фондом поддержки православного образования и просвещения «Серафим». В подготовке книг принимают участие студенты кафедры. Куратор проекта — преподаватель священник Димитрий Юревич. Электронные книги распространяются на компакт-дисках в формате pdf и размещаются на сайте в формате djvu.

На сайте кафедры

www.bible-mda.ru

- ✔ электронные книги для свободной загрузки
- ✔ информация о кафедре, ее преподавателях, новостях, учебном процессе
- ✔ информация об издаваемых кафедрой новых книгах
- ✔ методические материалы по библеистике
- ✔ пособия и источники для изучения Священного Писания



РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

«СЕРАФИМ»

www.seraphim.ru

Фонд является независимой филантропической организацией, предоставляющей финансирование широкому кругу православных образовательных проектов высших учебных заведений Русской Православной Церкви.

Деятельность Фонда не ограничивается помощью в развитии материально-технической базы духовных учебных заведений. Главная задача — многоуровневое финансирование научно-исследовательской деятельности, воссоздание целостной и животворной академической среды в православных образовательных центрах.

Проект по созданию электронных книг является одним из ряда проектов, осуществляемых Фондом совместно с Кафедрой библеистики Московской православной духовной академии.

На сайте Фонда

www.seraphim.ru

- ✔ **информация о деятельности Фонда**
- ✔ **информация о проектах, осуществляемых Фондом**
- ✔ **контактная информация для связи с представителями Фонда**
- ✔ **возможность заказа он-лайн книг и компакт-дисков, подготовленных к изданию при участии Фонда**